

П Л А Т Ф О Р М А

ЖУРНАЛ ЭКСПЕРТНЫХ ПОЗИЦИЙ

№01

2016

Тема номера:

Наблюдаемо ли

общество?

«Все разумное
в родстве между собой».
Марк Аврелий,
«Самому себе»; 3, 4

Содержание

Факт общества. Редакционное введение	2
<i>Путь в туман – направления мира</i>	6
Федор Лукьянов	8
Алексей Маслов	13
<i>Наблюдаемо ли общество?</i>	20
Симон Кордонский	22
Сергей Хайкин	29
Сергей Рыбальченко	33
Василий Молодяков	42
<i>Язык камней</i>	52
Рустам Рахматуллин	54
Лев Масиель Санчес	61
Кира Крайнова	74
<i>Экономические практики</i>	78
Алексей Фирсов	80
Станислав Наумов	82
Константин Симонов	86
<i>Неизбежность сети</i>	90
Денис Терехов	92
Ольга Симонова, Артем Бочкарев	96
<i>Политический дизайн</i>	102
Андрей Стась	104
Анонимус	108

ФАКТ ОБЩЕСТВА

*«Медленно мельницы мелют богов,
но старательно мелют».*

Секст Эмпирик

«Мир состоит из фактов». На это обратил наше внимание Витгенштейн, опубликовав *Tractatus Logico-Philosophicus*. Недооцененная у нас мысль, поскольку только о фактах можно всерьез вести разговор. Об «идеях» можно только препираться. Нет, говорят, фактов-то горы. Мы перекормлены информацией. А не хватает как раз «прорывных идей». Недостает «смысла». Скажите нам смысл жизни, дайте национальную идею, объясните, к какой великой цели мы идем.

Но это абсурдная постановка вопроса. Процесс опорожнения «смыслами» называется логорея (греч., «словесный понос»). Факт же есть положение дел, *state of affairs*. Но мы ведь как раз и не знаем, как у нас обстоят дела. Кто может ответить, что происходит в нашем обществе? Единицы. Их «штучные» выступления, разговоры, интервью собраны под одной обложкой.

Куда же деваются факты? Наглядный пример, куда и как – пропагандистский медийный конвейер. Любого толка. Машина, ежедневно перемалывающая факты в «смыслы». Происходящее с его врожденной бестолковщиной, которая вечно путает карты суфлерам, трамбуется в информационный повод. Вытянутый в сюжетную линию, повод озвучивается подходящими репризами с мест. В резюмирующей обертке «новость» запускается в аудиторию. Где шутиха с треском взрывается в сетях, рассыпаясь на комменты, лайки и мемы.

До конца выходных над кучами разлагающейся информации кружат экспертные мнения и комментарии. Если тема задерживается в повестке, насыщенные испарения кучи могут сгуститься в «идеологему». Из которой еще с полгода будут выпадать на нас унылые, односторонние дожди. Потом все забудется совершенно.

Иначе говоря, работа со «смыслами» сводится к регулярному нажатию Delete. Сильное средство – хорошая музыка. Достаточно послушать концерт для четырех клавесинов и струнных (ля минор BWV 1065) Иоганна Себастьяна Баха, чтобы вспомнить, как растет трава или, что то же, как чист человеческий разум. Так что же с фактами? А факты нужно совместно производить, как ни странно это звучит. Искусство совместного производства фактов на определенной ступени называется «наукой». Но до научной ступени нужно еще взобраться.

Для производства фактов на каждом уровне используются свои инструменты, понятийные поля и методологии. Интеллектуальная дисциплина состоит в том, чтобы не прыгать через ступени. Перепрыгивание заканчивается стыдными ситуациями. Вместо факта, как выкидыш, на пол выпадает «смысл». Понимающие свидетели конфузятся: «Вроде бы неглупый человек, а вот так... так о чем мы?» Даже античные скептики полагали, что откинуть лестницу можно только после того, как влезешь по ней в окно. А сначала нужно пройти ее ступень за ступенью.

Первичные факты общества наглядны, как, например, рождение ребенка. Но уже выписка свидетельства о рождении – факт следующего уровня. Он производится в правовом поле, в своем отделе административного аппарата, регламентировано и единообразно, на выходе – учетная единица и заполненный бланк. Демографическая статистика дает факты более высокого уровня. Для их производства нужны инструменты сбора, хранения и количественной обработки информации.

Объяснительная модель для динамики рождаемости, построенная на привлечении всех значимых статистических данных, таких как уровень занятости или, скажем, пьянства, претендует показать общественный факт, который никак иначе не может быть обнаружен. На предыдущих ступенях его еще нет возможности получить. В критическом сопоставлении объяснительных моделей социальный факт очищается, так что общественный процесс проступает все более ясно.

Журнал мы понимаем как сборочную площадку, на которой выложены модели общественных процессов, прошедшие критическую очистку. На их основании можно взяться за производство интегрального факта общества. На более ранних ступенях знания лицо общества еще совершенно неразлично, теперь мы замечаем отдельные черты, но, пока они не сложились в целое, конкретный характер и выражение этого лица мы видеть не можем.

Журнал отдает свои страницы этим темам и приглашает к разговору всех, кто может их поддержать. Почему к «разговору»? Журнал задуман как записи выступлений, бесед, споров и неожиданных интервью. В этих жанрах можно застать рождение мысли, которая подводит черту под своей работой. Додумывая себя по ходу дела, с уточнениями, отступлениями, без которых можно пропустить суть, и вворачивая факты, достаточно интересные и убедительные, чтобы собеседник согласно кивал. Факт – вечный двигатель речи, настроенной прояснить свою мысль.

Когда у вас есть необходимые факты, вам не нужны «смыслы». Когда у вас нет фактов, только «смыслы» и остаются. Только что вы будете с ними делать? Они же улетучатся в процессе. Их можно применить как слезоточивый газ, но не более того. Само собой, рано или поздно упрямая критика добавит к представленным фактам много чего еще, так что взгляд на вещи может поменяться, и это будет уже новое положение дел. Так, логическое исчисление Фреге и Рассела технично «перелицевало» логику Аристотеля, показавшего края мысли. Но, независимо от новой текстуры поверхности, факт не может сдуться, как «смысл». Новое знание не убьет его, а утвердит.

Могут сказать: «А ценности?!» Нужно посмотреть, откуда они взялись, и те ли еще это ценности. Флоренский утверждал: «Богословие – эмпирическая наука». Не только потому, что она производит богословские факты по твердым правилам. Наука богословия, считал он, эмпирична по происхождению. Для человека с опытом метанойи (греч., «обращение ума») пережитое – факт. Рядом с ним «разговоры на тему» не имеют ни значения, ни интереса.

Факт, благодаря которому смысл отделяется от того, что не имеет смысла, представляет собой ценность. Перед ценностью языка, труда, знания – что такое «идеи», норовящие «овладеть массами»? Если не контрафакт, то заблудившиеся фантазии. Разум может производить только факты, равноценные смыслу. Фантомы порождают только инфляцию фраз, в которых сами же исчезают. Так что если «идея» не отвечает факту, тем хуже для «идеи». ■

Направления

мира —

Путь

в тумане

A black and white photograph of a misty mountain landscape. The scene is dominated by tall, jagged rock formations and steep cliffs, partially shrouded in thick fog or mist. A full moon is visible in the lower-left quadrant of the image, appearing as a bright circle against the darker background. The overall atmosphere is ethereal and somewhat somber.

Курс глобального корабля не проложен, порт назначения не известен, на капитанском мостике сквозняк, а вокруг – глухой туман. Если эта метафора близка к истине, возникает вопрос: как случилось, что ни академическая наука, ни бесчисленные центры экспертизы не дали в руки мировым лидерам карту устойчивых течений, позволяющих просчитать маршрут хотя бы на десятилетие вперед? Ситуация усугубляется тем, что с «глобального» уровня элиты настойчиво призываются «вниз», к национальной почве. Возможно, туман рассеется. Но что если вместе с ним растает и глобальный корабль-призрак. И обнаружится, что, как и прежде, в открытом море маневрируют суда под разными флагами, сбиваясь в противостоящие флотилии. С собственным курсом нам придется определяться, но мы все еще не можем решить, смотреть нам на Восток или на Запад.

«Мы видим реванш людей, которые считают, что ЭЛИТЫ О НИХ ЗАБЫЛИ»

*Из выступления в ходе дискуссии на Экспертном
клубе ВЦИОМ «Платформа»*

Федор Лукьянов,
главный редактор
журнала «Россия
в глобальной поли-
тике», председатель
президиума неправи-
тельственной орга-
низации «Совет по
внешней и оборонной
политике»

Мировые элиты никак не могут понять, что происходит со всеми теми, кем они, по идее, должны управлять – собственное население все больше от этих элит дистанцируется. Избирательная кампания в Соединенных Штатах – ярчайший тому пример. Республиканская партия вообще в руинах, ни один из кандидатов от истеблишмента не смог прорваться сквозь сито праймериз. У демократов тоже очень показательная ситуация. Берни Сандерс, открыто объявивший себя социалистом, конечно, проиграет, но драйв на его стороне, за него молодежь, за него те, кто считает, что назрели перемены. Проблема лагеря Хиллари Клинтон в том, что в нее по-настоящему не верят даже многие из тех, кто ее поддерживает. Она – представитель сходящих со сцены кланов. Ведь американская политика – очень клановая, династическая. Это сейчас вызывает максимальное отторжение.

Почему так происходит? Мировая элита глобализировалась. Она объединяет истеблишмент – американский, французский, немецкий, хорватский, китайский и т.д. По сути, у разных «высших классов» друг с другом больше общего, чем с теми национальными сообществами, которые они представляют. Это раз за разом выскакивает наружу. Недавнее «панамское досье» вызвало в мире бурную реакцию. Почему? Потому что в самый неподходящий момент выплеснуло еще одно подтверждение того, что все это элитное сообщество, говоря несколько утрированно, прячет деньги в офшорах, пока их соотечественники рискуют потерять свои сбережения на своей родине.

Так что, на мой взгляд, мир находится на переломном рубеже. Действующая модель глобализации достигла предела, за которым встает дилемма: либо реальное

мировое правительство, во всяком случае – правительство, которое управляет обширными территориями, сообществами и блоками, либо движение глобализированных элит назад, к своим корням, без которых они, на самом деле, не имеют легитимности.

История после холодной войны показала, что идея доминирования над расширяющимися пространствами не срабатывает. Это мы видим, например, в случае с Европейским союзом. С точки зрения управляемости у расширения должен быть предел. А значит, хоть мир и останется взаимозависимым, он больше не будет целостным. На очереди реванш людей, которые считают, что элиты от них оторвались, забыли о них и знать не хотят, что им надо.

В элитах великих лидеров, на мой взгляд, сейчас нет вообще. То есть нет тех, кто смотрит вперед и ведет свою страну в понятное им будущее. Дело не в дефиците ума или воли. В глухом тумане, который окутал современный мир, можно только нащупывать правильный путь, но перспективы – не видно. А если она даже мерещится, то все время меняется. Искривленное пространство: кажется, что идешь в одну сторону, а на самом деле – попадаешь в другую.

Поэтому сегодня лидер не стоит оценивать с точки зрения их стратегического мышления. Ведь оно почти невозможно. Единственный критерий – способность правильно реагировать на постоянно возникающие текущие вызовы, держа в голове хотя бы минимальную дистанцию вперед. Например, считается, что в Китае очень сильный лидер. Но и он пытается угадать, не более того. Максимум, что в его силах – видеть, каким Китай когда-нибудь должен стать, и на каждом шаге к этой великой цели стараться не делать крупных ошибок.

Интересен феномен Барака Обамы. Я думаю, когда схлынет пена, станет ясно, что Обама – не «тряпка», как о нем сегодня в Америке многие думают. Он совсем не «слабак», у него другая проблема. Он лишен эмоций и ко всему подходит сверхрационально. Но в американской политической культуре лидер должен идти на риск и доказывать, что он способен побеждать.

Ли Куан Ю, человек очень ясного и четкого мышления, без каких-либо примесей идеологического мусора, когда-то сказал об Обаме так: «Он очень умный человек, он все понимает, но у него ничего не получится, по-

Федор Лукьянов:

«ПО СУТИ, У РАЗНЫХ
«ВЫСШИХ КЛАССОВ»
ДРУГ С ДРУГОМ БОЛЬШЕ
ОБЩЕГО, ЧЕМ С ТЕМИ
НАЦИОНАЛЬНЫМИ СООБ-
ЩЕСТВАМИ, КОТОРЫЕ ОНИ
ПРЕДСТАВЛЯЮТ.»

тому что он – человек компромисса. Хочет всех собрать, договориться, но в Америке это не проходит. Там политическая культура построена на конфликте, столкновении и победе в нем».

Обама не готов идти напролом, потому что очень хорошо понимает риски современного мира. В отличие от остального американского истеблишмента, он сознает: Америка больше не может вести себя так, как она вела себя до сих пор. Понимать-то он это понимает, только не знает, что с этим делать. И то, как он на это реагирует, выглядит как отступление. Именно в этом проблема современных лидеров – они не понимают, как вести себя в этом новом мире.

Естественно, когда мы говорим о великих лидерах, возникает вопрос, а что с нами? Да, Путин – тоже интересный феномен. Но он неправильно описывается. С одной стороны – демонизация, с другой – сотворение кумира. Это мимо. Путин, как мне кажется, соответствует современному миру. Потому что, на самом деле, он не стратег – он фаталист. Он реально считает, что можно, конечно, сегодня сочинить любые стратегии, но зачем, если завтра все развернется совсем в другую сторону. С его точки зрения, в этом абсолютно непредсказуемом мире есть лишь одно качество, которое спасает, – в любой момент быть готовым к любым переменам.

Настал еще один день, внезапно что-то случилось. Каков порядок действий? Реагировать немедленно, резко, в идеале – непредсказуемо. Чтобы не тебя застали врасплох, а наоборот. Чем, собственно, наша страна в последнее время почти исключительно и занимается.

Прошлые эпохи учат нас, что любой туман когда-то расступается перед сильным лидером-визионером. Но раньше способность к провидению все-таки требовалась прежде всего для масштаба своего сообщества. А в полностью глобализованном мире визионеру пришлось бы менять весь мир, а не страну. Он не может изменить «отдельно взятую страну», которая стала слишком зависима от всего мирового контекста. Таких лидеров, мне кажется, не может быть – чтобы взять и перевернуть весь мир. Хотя, посмотрим...

Насколько реальна перспектива большой войны? Под большой войной мы понимаем мировые войны из недавней истории. Трудно представить себе такую войну сейчас, потому что фактор ядерного оружия, хотя он и переживает эрозию, все-таки еще действует.

Федор Лукьянов:

«ПУТИН, КАК МНЕ КАЖЕТСЯ, СООТВЕТСТВУЕТ СОВРЕМЕННОМУ МИРУ. ПОТОМУ ЧТО, НА САМОМ ДЕЛЕ, ОН НЕ СТРАТЕГ – ОН ФАТАЛИСТ.»

В противном случае тот масштаб перераспределения мирового влияния, который происходит в последние 10–15 лет (сдвиг в Азию, резкий рост Китая как мирового политического фактора), без большой войны не обошелся бы.

Но есть, конечно, и риски. В частности, если ядерное оружие будет применено в локальном конфликте. Прежний страх перед ним заметно умерился. И если возникнет прецедент, может упасть табу: оружие применено (тактическое), но мир не рухнул. В таком случае ядерные арсеналы перейдут из категории «оружия судного дня» в категорию просто оружия, которым, в принципе, можно пользоваться для решения текущих проблем. А там уже все непредсказуемо. В политике ведь как? Слово за слово, «не потерять лицо», «дать им понять, что мы не потерпим» – и вдруг ты в ситуации, когда не реагировать уже нельзя, а все иные способы исчерпаны...

Новый мировой порядок будет формироваться практически на ощупь. Сегодня возможна череда локальных конфликтов, которые в той или иной степени вовлекают мировые державы, все время провоцируя их на столкновение. Украина – первый случай такого рода. Сирия – второй. Способы воздействия на оппонента включают в себя все средства, в том числе военные.

Но на самом деле применение военной силы – далеко не самый эффективный метод. Что показал опыт США на Ближнем Востоке? Это ничего не решает. Можно «вбомбить Афганистан в каменный век». И что? Ничего не изменилось. Стало только хуже. То же самое – применение силы в Ираке. У России, кстати говоря, опыт далеко не такой провальный. Там, где мы применяли силу (выносим за скобки моральные факторы), достигался нужный результат, хотя цена бывала и крайне высокой (Чечня, например).

Федор Лукьянов:

**««БОЛЬШАЯ ВОЙНА»,
СКОРЕЕ ВСЕГО, БУДЕТ
ВЫГЛЯДЕТЬ КАК ГЛОБАЛЬ-
НОЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИ-
ЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
С ЛОКАЛЬНЫМ ПРИМЕНЕ-
НИЕМ ВОЕННОЙ СИЛЫ.»**

Так что военная сила свое значение не потеряла, но она перестала быть универсальным способом для установления международной иерархии. Поэтому «большая война», скорее всего, будет выглядеть как глобальное политико-экономическое соперничество с локальным применением военной силы. Не напрямую против соперника, а для того, чтобы где-то нажать на его интересы, в отдельных местах. Наверняка, эта война будет идти совсем по-другому, чем мы себе представляем. Так что, возможно, она уже идет, просто мы не замечаем.

Формирование нового мира, где не будет доминировать глобальное целое, а элитам придется обратиться назад к своим корням, где мир будет фрагментированным, хотя и останется связным, по-видимому, уже происходит.

В этом общем контексте фундаментальная проблема – болезненный западоцентризм нашего мышления. Причем «прозападность» и «антизападничество» – это на самом деле две стороны одной медали. Сначала кидаемся в объятия и хотим, чтобы нас любили, а потом восклицаем, что мы вообще не европейцы и горите вы огнем в своем адском пламени. Это ровно то же самое, только с обратным знаком.

Задача России – на ментальном уровне преодолеть эту тяжелую зависимость от Запада как точки отсчета. Мир изменился. И в этом новом мире Азия будет играть значительно большую роль. Точкой отсчета для США она уже является.

Например, у нас объявлено в качестве основного приоритета сопряжение с Китаем. Прошел год. С одной стороны, год – не так много времени, чтобы судить и вешать ярлыки. Но по всем косвенным признакам ситуация выглядит так: как ничего не было, так ничего и нет. И это не потому, что отсутствует политическая воля, а потому что так работает наш государственный аппарат.

Китайцы, надо сказать, с нарастающим изумлением смотрят на нас. Там тоже своих проблем выше головы. Но если решение принято, тысячи чиновников, экспертов и всякого рода специалистов бросаются на выполнение поставленной задачи. Они не могут понять: хорошо, у вас другая система, но почему у вас вообще ничего не происходит?

Еще один важный момент состоит в том, чтобы учесть Японию и АСЕАН, строя наш восточный вектор. А менять приоритеты на Восток, на мой взгляд, совершенно необходимо. Риск заключается в том, что Восток у нас станет синонимом Китая. А замыкаться на один Китай – значит, обречь себя в недалекой исторической перспективе на зависимость. Поэтому России нужно максимально диверсифицировать свои восточные связи. Мне кажется, российское руководство на понятийном уровне это хорошо осознает. Отсюда игры, которые ведутся с Японией. Это, безусловно, отражение понимания того, что нужен еще, как минимум, один серьезный партнер в этой части мира. ■

«Это будет НОВАЯ глобализация по-китайски»»

Алексей Маслов,
руководитель Школы
востоковедения, про-
фессор Высшей школы
экономики

Чтобы понять, что происходит «в отношениях с Китаем», мы должны понять, что в отношениях с Китаем вообще ничего не происходит. Точнее говоря, происходит то же самое, что уже много раз происходило. Сегодня мы можем говорить о волне неоориентализма. Когда-то ориентализм начинался с того, что в британских домах появлялись тарелочки, вазы и картины, доставленные из Китая, а Петр Первый выписывал себе китайские кабинеты. Но это был декоративный Китай. Так и сейчас на протяжении десятков лет накапливались псевдознания о Китае, с которыми можно столкнуться на каждом шагу. Но «фэншуй», по которому мы расставляем мебель, не имеет ничего общего с китайской системой фэншуй, а миф о Шаолине у нас в голове не сочетается с тем, что в реальности Шаолиньский монастырь давным-давно превратился в коммерческий музей под открытым небом.

Точно так же российские бизнесмены, украшая кабинеты фарфором династии Мин, жили в пространстве виртуального Китая. Отчасти это объясняется тем, что Китай действительно тщательно транслирует о себе абсолютно неправдоподобную картинку. В России было открыто 18 институтов Конфуция – это заведения, которые патронируются китайским правительством и рассказывают о Китае таким, каким они хотят его показать. Это, кстати, больше, чем где-нибудь в мире на единицу площади страны, впрочем деятельность четырех была приостановлена в последние годы. Но и когда вы приезжаете в Китай, вас стараются прежде всего очаровать – гостеприимством, вкусной едой, богатой историей и красотой природы. 15 тысяч российских студентов сегодня обучаются в Китае, это сопоставимо с тем, сколько китайцев учит-

ся в России, и подавляющее большинство хочет остаться еще на один-два годика, зачарованные этой страной. Тем не менее, как только с Китаем потребовалось реально работать, он оказался совсем другим, и выяснилось, что для такой работы не хватает ни экспертного понимания, ни экспертной поддержки. Грубо говоря, бизнесмену не с кем проконсультироваться, как с китайцами выстраивать поэтапно взаимоотношения, как вести переговоры и как там заключают договор, чтобы он в конце концов исполнялся. И они шли туда с западными стереотипами и матрицами, только чтобы убедиться, что они там не работают. Миф о «развороте на Восток» великолепен в декларативных документах и на переговорах. Но в экономике есть критерий – деньги. А у нас торговля упала на 35%. Мы пытаемся выкрутиться, говоря, что падение – лишь в ценовом выражении, а в товарном отношении – рост. Но вообще-то, мировая экономика не тоннами мыслит, она мыслит абсолютными деньгами.

Нам надо было отрезвиться по поводу Китая и понять, что Китай далеко не во всех случаях воспринимает Россию как равного партнера. Китай вообще никого не воспринимает как равного себе партнера. Китайская концепция мира очень проста. Китай дает возможность всем азиатам и неазиатам сформировать общий мир. Он готов финансировать строительство дорог, прочей инфраструктуры, логистических складов. Но китайское лидерство при этом будет неоспоримым, а китайская цель должна стать общей целью. Это матрица приоритета китайской политической культуры, утвердившаяся еще в эпоху Хань, а может быть, еще раньше. И матрица взаимоотношений, которая воспроизводится с некоторыми вариациями в разные эпохи. Сегодня в нее хорошо уложились отношения с Казахстаном, Узбекистаном, Таджикистаном, то есть с ближайшими азиатскими соседями. Но наше сознание не азиатское. Мы не понимаем такой тип отношений. А дело в том, что Китай своим подчиненным территориям, которые признавали лидерство китайского императора, всегда платил больше, чем получал оттуда налогов. Он был готов оплачивать их лояльность. Лежащий во многих климатических зонах и во многом самодостаточный, Китай не стремился к добыче, он стремился к власти. Он и сегодня, и завтра готов платить странам, которые признают в нем лидера. Зачем ему

Алексей Маслов:

«КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРА ОЧЕНЬ ПРОСТА. КИТАЙ ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕМ АЗИАТАМ И НЕАЗИАТАМ СФОРМИРОВАТЬ ОБЩИЙ МИР.»

это? Китайская экономика растет, она нацелена и на Восточную, и на Юго-Восточную Азию. Как следствие, Китай должен хеджировать политические и экономические риски. А для этого он стремится получить контроль над любой страной, которая к нему прилегает. Иначе все это дело рухнет.

Алексей Маслов:

«РОССИЯ ОТКАЗАЛАСЬ
СТАТЬ ЧАСТЬЮ КИТАЙСКО-
ГО ПРОЕКТА. НУ, РОССИЯ
– НЕ КАЗАХСТАН. ОТСЮДА
И ПЕРЕМЕНЫ: ОТНОШЕ-
НИЯ СТАЛИ МАКСИМАЛЬ-
НО ПРАГМАТИЧНЫМИ.»

Россия смогла избежать такого рода подчинения и уступки лидерства Китаю. Сколько бы мы ни ругали российскую политику, в этом случае мы выкрутились. Исходной ошибкой было, отвернувшись от Запада, пойти в Китай с незащищенным тылом. И 2014 и 2015 годы в наших отношениях были провальными, потому что Китай понял: Россию на Западе никто серьезно не поддерживает. Ему нет антитезы. Поэтому Китай начал навязывать нам свою инициативу Шелкового пути, под участие в которой подписалось уже более 30 стран. В ответ Россия внезапно предложила, на мой взгляд, экономически бессмысленную вещь, которая при этом четко сработала с точки зрения идеологии. Это идея «сопряжения» экономического пояса Шелкового пути и российских проектов (точнее, проектов ЕАЭС). Любой экономист вам объяснит, что есть совместные предприятия, но в экономике нет понятия «сопряжения». По сути, имелось в виду: «давайте сопряжемся с вами и поделим прибыль». Китайцы обиделись, конечно. Россия отказалась стать частью китайского проекта. Ну, Россия – не Казахстан. Отсюда и перемены: отношения стали максимально прагматичными.

Одновременно произошло охлаждение нашего бизнеса к Китаю. Крупнейшие российские инвесторы, которые готовы были переключиться на Китай, побывав там несколько раз и проведя переговоры, пересмотрели свои намерения и пошли дальше: в Юго-Восточную Азию, в Индонезию, развивать отношения с Сингапуром. Откуда возникло такое разочарование? Они были уверены, что китайские проекты заработают быстро, например, за полгода. Но в Китае средний срок прохождения даже успешного проекта – около года. К тому же крупный российский бизнес повелся на целый ряд китайских доброжелательных жестов, которые сами по себе еще ничего не значат. Китай очень любит создавать разные совместные ассоциации, группы, корпорации. И за два года, насколько я помню, в Китае побывало почти 500 российских бизнес-миссий, которые отправлялись знакомиться с китайски-

ми бизнесменами. И чем все это заканчивается? У вас после возвращения в Россию – масса визитных карточек на столе и, казалось бы, о многом поговорили, но совершенно не понятно, что дальше делать. Я не знаю ни одной реально успешной ассоциации по взаимодействию с Китаем. Потому что логика взаимодействия там совсем другая: это долговременный и монотонный процесс выстраивания личных связей и отношений. Надо осмыслить, что мы общаемся не просто с другим бизнес-сообществом, а с другой цивилизационной сущностью, у которой абсолютно другие матрицы выстраивания контактов, другие устремления, а главное, другая цель в отношении нашего взаимодействия. Как только мы начнем это осмыслять, нам станет легче и проще с Китаем.

Как китайцы мыслят, что такое для китайцев переговорный процесс? Это вопрос исключительно времени. Надо долго, методично вести переговоры о чем угодно, пока вам не надоест. Надо выяснять все мельчайшие детали и особенности бизнес-процессов, а тем временем держать в голове мысль о том, как бы сделать этот проект без вас. В этом случае китайское сознание очень простое: либо вам надоест и вы сломаетесь, либо мы уйдем к другому и обойдемся без вас, но уже с новыми и подробными знаниями. Почему неудачно вообще идут торговые контакты? Китайцы порою просто не слышат вашего предложения. Формально выслушав его, они приходят уже со своим предложением и методично его продавливают. Или слышат ваше предложение, говорят «да», перерабатывают его и выдают совсем другое, не похожее на исходное. Этот принцип может звучать немного цинично: «варвар» не может мыслить разумными экономическими терминами приоритета китайской выгоды. Ну так мы и покажем «варвару», как ему сделать и правильно, и удобно, а если вы не следуете этому предложению, то вы просто не понимаете своего счастья. И каждая экономическая конференция, где выступают китайцы, начинается с того, что они к нам – «со всей душой», а мы зачем-то ставим им барьеры, не понимая, насколько нам будет здорово.

Но понимать нужно не только китайскую тактику, еще важнее понимать китайские стратегические интересы. Посмотрим, что представляет собой Новый Шелковый путь. Это не расписанный подробно проект, это скорее инициатива, которая регулярно

Алексей Маслов:

«КИТАЙ СЕГОДНЯ ЗАМЕТНО ПОДРОЖАЛ. КИТАЙСКИЕ ТОВАРЫ ТЕРЯЮТ КОНКУРЕНТНОСТЬ ИЗ-ЗА РОСТА СЕБЕСТОИМОСТИ ИХ ПРОИЗВОДСТВА, ИЗ-ЗА РОСТА ЗАРПЛАТ, СОЦИАЛЬНЫХ ВЫПЛАТ.»

трансформируется под обстоятельства. У этой инициативы есть ряд измерений: политическая интеграция, финансовая, экономическая, инфраструктурная и т.д. Пока китайцы развивают экономическое измерение. Но суть в том, что в конечном счете – это новая глобализация по-китайски. И более того, это новый тип колонизации. Если раньше колонизация шла с Запада на Восток, то сейчас она должна пойти с Востока на Запад. Так задумывает Китай. Почему идея прорабатывается именно сейчас, а реализовываться будет на протяжении многих десятилетий? Китай сегодня заметно подорожал. Китайские товары теряют конкурентность из-за роста себестоимости их производства, из-за роста зарплат, социальных выплат. В то же время внутренний рынок с точки зрения потребления уже не столь эффективен, и Китаю нельзя замыкаться внутри себя. А чтобы вывозить товары за рубеж, нужно удешевлять логистику. Для этого необходим контроль над инфраструктурой, чтобы поставки были надежны (поэтому, кстати, китайцы столь много говорили о необходимости российских государственных гарантий по поводу дороги «Пекин-Москва» с ее первым участком «Москва-Казань»). Из всего этого и вырастает китайская концепция глобализации. А на вопрос, почему нет точного поэтапного плана развития Шелкового пути, китайское руководство отвечает просто. Потому что план – это вещь застывшая. А Китай – очень гибкая структура. Вот мы все время и будем ориентироваться на то, как изменяется ситуация. Ситуация изменилась – и мы тут же изменились. Вы предложили что-то интересное – и мы тут же поменяли свой проект. Китайцы сознательно не вводят свой проект в жесткие рамки, чтобы не было отторжения этого проекта и предметной критики по нему.

Вообще, китайцы считают, что современный мир плохо устроен. Это все время озвучивает китайское руководство, говоря, что мир несправедлив. Западные державы выработали мировую систему и законы внешнего для Китая мира. А китайцев обделили куском пирога. Китайцев не пускают в мировому дележу финансов. А они говорят, это несправедливо, давайте это пересмотрим. И доля правды у них есть. А самое главное, что эта риторика откликается в сердцах рядовых китайцев. Надо вернуть Китаю извечный статус-кво, то есть центральное положение в мире и полагающе-

Алексей Маслов:

«А НА ВОПРОС, ПОЧЕМУ
НЕТ ТОЧНОГО ПОЭТАП-
НОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ
ШЕЛКОВОГО ПУТИ,
КИТАЙСКОЕ РУКОВОД-
СТВО ОТВЕЧАЕТ ПРОСТО.
ПОТОМУ ЧТО ПЛАН – ЭТО
ВЕЩЬ ЗАСТЫВШАЯ.
А КИТАЙ – ОЧЕНЬ ГИБКАЯ
СТРУКТУРА.»

еся этому величие. Поэтому в Китае на каждом перекрестке висит лозунг «Китайская мечта». Что такое китайская мечта? Американская мечта – это понятно: вы приехали в Америку с 5 долларами в кармане и через какое-то время стали миллионером. А китайская мечта, она не индивидуальна. Она общественная: мы все вместе, пока есть драйв, пока есть деньги, пока есть разумный руководитель, должны продвигаться вперед, мы должны все стать богатыми. Еще несколько лет назад никакие особые лозунги по этому поводу были не нужны, так как не просто формальная отчетность, но повседневная жизнь показывала рост благосостояния. Но уверенность в этом уже дает сбой, и у китайцев чувство единства через эту идею начинает таять. Потому что когда китайская экономика росла со скоростью 9-11% ВВП, всем было весело, а сейчас ситуация другая. Серьезный кризис нарастает в Китае, который может привести к краху китайской экономики. И многие начинают думать теперь о себе, о своем спасении, своих капиталов и своей семье.

В чем глобальная китайская проблема? В Китае государство является первичным и конечным кредитором всего, что происходит. Деньги берутся у государства и отдаются в конце концов тому же государству. Мы знаем, как банки в Китае устроены. Они все равно упираются в Народный Банк и в ряд крупнейших, связанных с ним напрямую банков, их там 3-4, которые контролируют все крупнейшие финансовые и инфраструктурные проекты своими кредитами. При этом практически отсутствует реальная конкуренция на банковском уровне. То есть первое – это абсолютно устаревшая финансово-экономическая система управления Китаем, которая не может реагировать на новые экономические вызовы. Понимает ли это Си Цзиньпин? Уверен, что он это понимает лучше нас. Но сейчас начать менять систему управления экономикой – значит подвергнуть Китай риску. Конечно, китайское руководство понимает, что управляет страной в период естественного замедления роста экономики, но надо еще рассчитать, как и за счет чего экономика дальше будет развиваться. Япония нашла для себя выход: она расширила высокотехнологическое производство, а потом начала его перемещать в тот же самый Китай и другие страны для его удешевления. Китай тоже пытается сокращать нерентабельное устаревшее товар-

Алексей Маслов:

«А КИТАЙСКАЯ МЕЧТА, ОНА НЕ ИНДИВИДУАЛЬНА. ОНА ОБЩЕСТВЕННАЯ: МЫ ВСЕ ВМЕСТЕ, ПОКА ЕСТЬ ДРАЙВ, ПОКА ЕСТЬ ДЕНЬГИ, ПОКА ЕСТЬ РАЗУМНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, ДОЛЖНЫ ПРОДВИГАТЬСЯ ВПЕРЕД, МЫ ДОЛЖНЫ ВСЕ СТАТЬ БОГАТЫМИ.»

ное производство, расширять высокотехнологическое производство и перемещать частично свое производство в Индонезию, Малайзию, Индию. Но когда полтора миллиарда населения будут жить при темпах роста, как сейчас у Японии, то есть в районе 1-2%, могут быть социальные изменения. По всему Китаю каждый год происходят выступления на социальной почве. Необходимо обезопасить политическую структуру. Если мы посмотрим на китайскую борьбу с коррупцией, руководство Китая бьет по чиновникам, которые попытались создать свои региональные кланы. А ведь именно из-за усиления местных кланов исторически разваливался единый Китай. Поэтому я думаю, что сейчас политика и экономика в Китае сошлись вместе. Так получилось, что Си Цзиньпин правит в этом историческом периоде. Он должен выкрутиться, а выкрутиться сложно, потому что экономика падает, деньги переводят за рубеж – ежемесячно официальный отток из Китая составляет 100 миллиардов долларов и выше. Сразу возникает вопрос: а за счет чего выкручиваться? Но если он за свой третий срок, в котором сомнений мало, успеет найти выход – все будет нормально. Не успеет – получим обвал Китая по полной программе. ■

Наблюдаемо ли общество?

Общество понимает себя как продолжающееся во времени – имеющее известное прошлое и предполагаемое будущее. Но наблюдает и описывает себя оно в настоящем. Почему возникает вопрос: в какой мере общество наблюдаемо? Потому что в какой-то момент исследователи обнаруживают, что устоявшееся описание плохо соотносится с действительностью.

Обнаруживаются социальные пласты, живущие своей жизнью и «невидимые» для институтов, занятых инвентаризацией общественного ресурса. Неведомые континенты дрейфуют в той же географической сетке, где нанесены официальные очертания. И оба слоя социальной реальности мало интересуются друг другом. Так который же слой – общество, спрашивает социолог: администрируемый или неучтенный? К неучтенным реалиям на практике относятся и те «малые» группы, в которых скопились болезненные общественные напряжения. Изучающий их

социолог замечает, что очаги напряженности спрятаны от глаз общества в «ничтожных процентах» статистики и массовых опросов. Исследования, способные рассказать о том, что происходит в этом «слепом пятне», с трудом находят заказчика. Напоминание о том, что «от копеечной свечи Москва сгорела», расстраивает как ответственные инстанции, так и медийную картинку.

Но если общество себя не видит, из какого образа настоящего мы исходим, проектируя образ будущего? Если государство слепо к демографической яме, образующейся на самой большой в мире территории, оно останется глухо к аргументам «от будущих поколений», которые ставят текущие решения в более глубокую перспективу. Без сильной социальной политики, противостоящей демографическим рискам, уже заложенным в настоящем, каким образом государство убедит рedeющее население, что рожать больше здоровых детей лучше, чем пассивно выми-

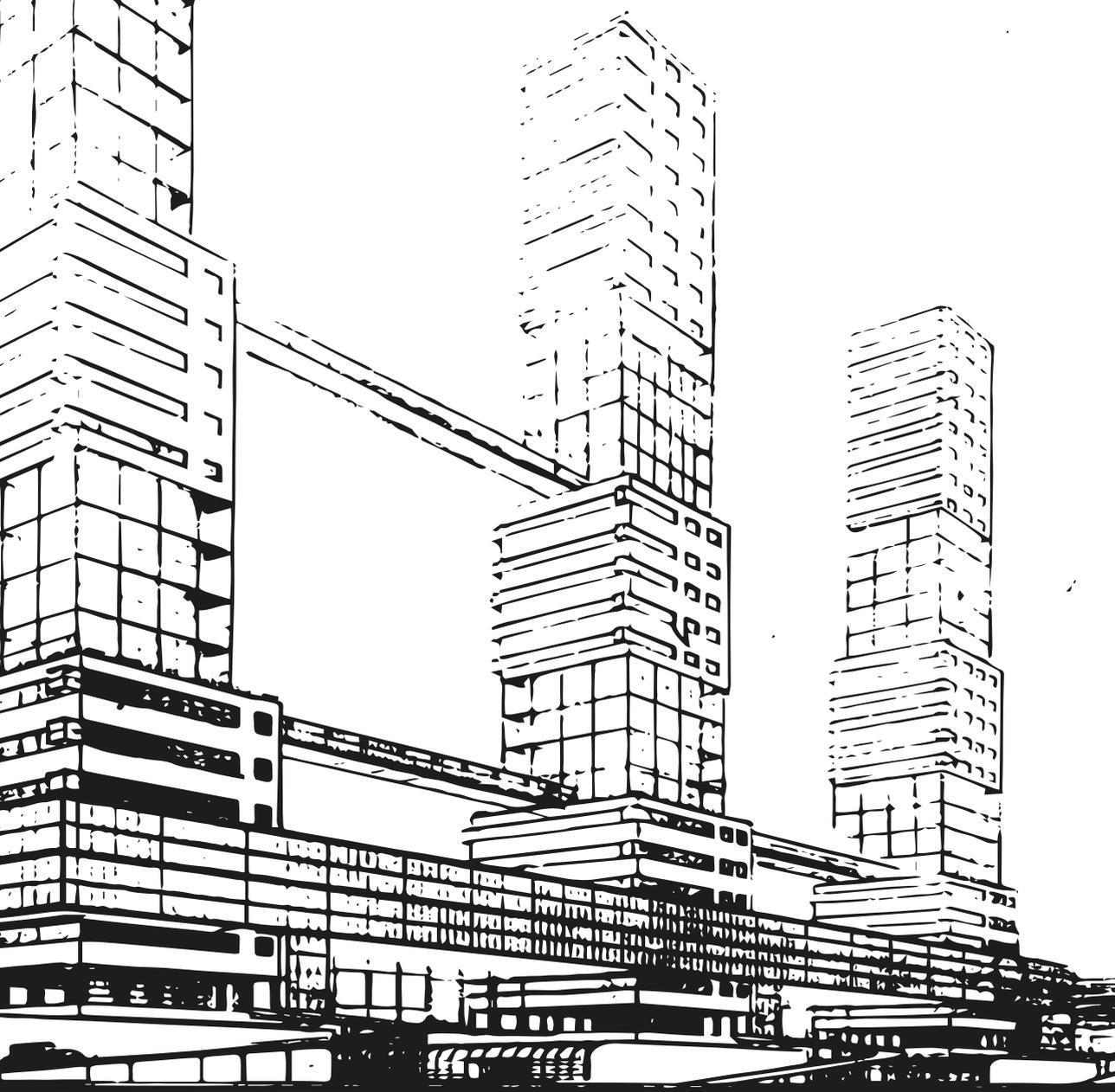

рать, а упрямо работать – лучше, чем на кухнях ждать апокалипсиса? Гораздо вероятнее, что убедит в обратном.

В такой перспективе перед общественными науками встают вопросы научной истины и научной этики. Они же заставляют отстаивать право на честную историческую ретроспективу. Для самопонимания общества имеет значение ответ на вопрос: «Что и как происходило в прошлом, если из него мы по-

лучили такое настоящее?» Профессиональный поиск ответа – это уже сопротивление идеологизации истории, системно коррумпирующей науку.

Когда общество не может разглядеть себя ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, самый актуальный вопрос общественных наук – как вернуть ему зрение.

«Россия – ЭТО ТЕРРИТОРИЯ АНОМИИ»

**Симон
Кордонский,**
заведующий
кафедрой местного
самоуправления ВШЭ

Проблема в том, в силах ли мы описать реальность? Наши попытки, естественно, упираются в то, что формальное, «официальное» описание никак не соотносится с тем, что мы видим непосредственно на месте.

Начиная даже с элементарных вещей, например, с численности населения населенного пункта. Она, кстати, всегда больше, чем официальная. Еще не было случая, когда бы, так сказать, данные по Росстату, то есть по последней переписи, не уменьшали численность населения на 10–15%.

То же самое в экономике. Посчитали по Ульяновску, по ведомостям просто взяли, так вот, на 60–70% ВВП там будет больше, чем учтено Росстатом.

Дальше. По социальной структуре – учета никакого нет. Даже такие крайние случаи, как, например, разного рода секты. Раньше был уполномоченный по делам религий, который вместе с пятым управлением КГБ вел учет всех сект. Сейчас у нас уполномоченных нет. А пятое управление (управление по защите конституционного строя) занимается только теми, кто попал в списки. Но в реальности-то мы видим диверсификацию мировоззрений и формирование собственных локальных картин мира, которые никак не соотносятся с той официальной картиной мира, которая навязывается СМИ.

Причем это массовое явление. В радиусе сотни км от Москвы мы насчитали 40 поселений анастасийцев, иногда созданных на пустом месте. Эти поселения имеют наименование и почтовый индекс, но никаких других официальных атрибутов не существует.

Вообще, система расселения в нашей стране была создана в результате трех миграций, иници-

ированных государством – столыпинская, сталинская и хрущевская. Она создавалась под свои задачи: рудники, лагеря, шахты и все прочее. Сейчас это меняется. С одной стороны, опустырявание страны, с другой – концентрация поселений вдоль трасс. Возьмите любую трассу на выезде из Москвы. Фактически там по 20–30 км – это населенная зона вдоль трассы. Она разделена между разными муниципалитетами. А по жизни это одно пространство, которое обслуживает дорогу. Линейные города. А третий случай – на пустоши остается поселение, но в нем нет никакой власти. Такие пункты не существуют юридически, но по факту они есть, и там живут люди.

Вот вам пример. У меня два сотрудника проехали по Мезени. Есть такая река в Архангельской области, длиной 800 километров. Они насчитали 20 поселений, в которых никаких признаков власти нет, полная автономия, при наличии хозяйственных и прочих спецификаций.

То, что мы видим, и то, что мы пытаемся описать, крайне странно соотносится с картиной, которую можно извлечь из СМИ. Что мы в них наблюдаем? С одной стороны – официальное послание, а с другой – негативистское, так сказать, белоленточное. Но та реальность, которая образует жизнь подавляющего большинства людей в стране, вообще никак не отображается в средствах массовой информации.

Наша официальная статистическая картинка совсем не учитывает тех реалий, которые возникли за последние 20 лет. А это реалии очень мощные. И самая мощная из них, наверное – это поиск национальной идентичности.

Ведь сталинские «нации» были созданы в конце 20-х годов, когда создавались языки, национальные школы, и существовали до конца 80-х годов как «статистические» нации. А после того как исчезла партия, эти статистические нации начали превращаться в живые.

Как они ищут свою идентичность? В мордовской деревне мы видели, как работницы клуба конструировали национальные мордовские костюмы. У них на столах лежали альбомы с самыми разными образцами, и они делали оттуда выкройки, конструируя внешний атрибут своей идентичности.

В еще более жесткой форме мы видели этот процесс на Алтае. Там 11 родов были объединены в учетную

Симон Кордонский:

«ТО, ЧТО МЫ ВИДИМ, И ТО, ЧТО МЫ ПЫТАЕМСЯ ОПИСАТЬ, КРАЙНЕ СТРАННО СООТНОСИТСЯ С КАРТИНОЙ, КОТОРУЮ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ СМИ.»

категорию «алтайцев». Осознание своей принадлежности проходит как дивергенция внутри «алтайцев» по тем же 11 родам, и каждый род пытается создать себе историю, обосновать свое существование.

И я не вижу рационального выхода из этой ситуации. Мы же не одни такие. Китай тоже заимствовал сталинскую концепцию нации. Они создали 56 национальных региональных автономий. Но поскольку этносов гораздо больше, сейчас идет очень сильное давление снизу. Эти нации были номинальными и вдруг зажили своей жизнью. И как с ними жить, они не понимают, тем более что это никто не обсуждает.

Странности продолжают в том, что официальные выкладки в связи с «кризисом», «санкциями» почему-то никак не коррелируют с реальностью.

Насколько уменьшилось потребление присутствующих здесь? По официальной статистике, 10%. Но какой бы срез мы ни брали, хоть московский, хоть региональный, на любом срезе получается, что потребление ощущимо не уменьшается. Ассортимент меняется, люди переходят из больших универмагов в маленькие магазинчики, но, тем не менее, в целом уровень потребления остается. За счет чего? Откуда бабки?

В одной поездке мы взялись это прояснить. И только на четвертый день в случайном разговоре вылезло, что четыре района (два – в Волгоградской и два – в Воронежской области) объединены в единые распределённые мануфактуры по пуху. То есть кто-то выращивает овец и коз, кто-то их вычесывает, а кто-то обрабатывает, шерсть отмывает, так что в дома она уже поступает отмытой, отбеленной, и там ее распушают и вяжут, в том числе дети, начиная с 5 лет. Ярмарка ночная, с 4 до 10 утра, 3 дня в неделю, оптовики – цыгане. Закупают они все это дело и развозят пуховое вязание по все стране.

Значит, кто-то обеспечивает им фактическую независимость от государства и определенный образ жизни. И она архаична, эта структура. Стоит здание администрации, мы приходим туда со студентами, глава администрации района рассказывает: райком партии заседал в этом кабинете. «А сейчас можете назвать людей, которые фактически являются членами бюро райкома партии?» Он начинает загибать пальцы. То есть структура на самом деле сохранилась – неформально существующая партийная организация.

Симон Кордонский:

«КИТАЙ ТОЖЕ ЗАИМСТВОВАЛ СТАЛИНСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ НАЦИИ. ОНИ СОЗДАЛИ 56 НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЙ. НО ПОСКОЛЬКУ ЭТНОСОВ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ, СЕЙЧАС ИДЕТ ОЧЕНЬ СИЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ СНИЗУ.»

Так что это за страна, Россия? Это промышленные сообщества, сплоченные «теневой» деятельностью, которая на самом деле вся – на виду. У нас 11 городов-миллионников и еще несколько городов, в которых есть политическая жизнь и вообще хоть что-то происходит. Заметьте, большая часть регионов вообще не светится в средствах массовой информации. Их нет в информационном поле, они живут своей жизнью, и эта жизнь связана только с поиском ресурсов. А ресурсы можно получить или от государства, или изнутри территории – теневым образом, войти в долю.

Как Мордовия или Коми, где есть лесные мануфактуры неформальные. Я не знаю сейчас, но два года назад вход в бизнес стоил 15 миллионов рублей. Это деланка, лесопилка и сушилка. Оформление документов тоже входит в пакет на экспорт. То есть ты приезжаешь в район, где ни одной лесосеки не зарегистрировано. Просто нет лесной промышленности и лесного района нет. Но на станционных путях стоят эшелоны с лесом. Причем не сырым, а обработанным и высушенным – доски, брус.

Ясно, что такой бизнес не может идти помимо главы администрации региона и много выше. Вот эта теневая деятельность – если ее можно называть «теневой», она же вся на глазах – и спланирует людей в некоторую общность.

Доля неформального сектора, по данным Минэкономики, 42% процента. Я думаю, что в разы надо увеличить. И тогда получается, что мы живем в успешном государстве, более или менее. Да, я считаю, что у нас нормальное государство, успешное. Это ведь не рыночная экономика. То, что мы сейчас видим, это восстановление производственной кооперации, ликвидированной Хрущевым в 1956 году. Она обеспечивала до 70% потребления. Вместе с потребкооперацией, которая обеспечивала распределение. А что такое производственная кооперация? Это промыслы. Промыслы принципиально не бизнес. Их нельзя продать, в отличие от бизнеса. В промыслах нет бухгалтерии. Это два основных качества. И вот они начали восстанавливаться, эти промыслы.

Как нефтяной промысел. Вы все знаете, что они не были предпринимателями. Как только Ходорковский решил превратить нефтяной промысел в бизнес,

Симон Кордонский:

«А ЧТО ТАКОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ? ЭТО ПРОМЫСЛЫ. ПРОМЫСЛЫ ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕ БИЗНЕС. ИХ НЕЛЬЗЯ ПРОДАТЬ, В ОТЛИЧИЕ ОТ БИЗНЕСА.»

он сразу получил соответствующий срок. И вот эта ресурсная, промысловая структура – она у нас везде. Например, у нас есть развитый финансовый промысел. Сейчас ЦБ закрывает банки – это он закрывает финансовые промыслы. Они, так сказать, не банки, которые специфичны для нормальной рыночной экономики.

На самом деле сейчас идет рост этих промыслов. Их множество. Только присмотреться – и они появляются, как грибы из-под листьев. Мы всем надоели с гаражной экономикой. Дачной экономикой только начинаем заниматься. А это очень большая область, потому что у нас картофель на 70% обеспечивается за счет личных подсобных хозяйств.

По рыбе промыслы просто везде. Рыбный промысел так и называется, кстати. Тот же лесной промысел.

Вдоль любой трассы, особенно «на югах», существует структура частной продажи бензина. Врезаются в трубу, ставят чеченскую разгонную структуру, химии у нас в стране прекрасные, добавки все есть, вот и делают качественный бензин и продают его.

А как в Сибири, где нет заправок, выходят из ситуации? Дизеля. Солярку берут от железной дороги. Машинисты тепловозов заправляются с верхом в канистры и по дороге скидывают их в нужных местах. Расчеты не знаю, как там происходят, но, очевидно, происходят, потому что иначе не скидывали бы.

На этом фоне я считаю, что у нас нет коррупции в стране. Это совсем другие отношения.

Почему никто из митрополии не приезжает и не пытается эти деньги в свой карман положить? Пока это были слишком маленькие деньги, а у власти были деньги нефтяные, не стоило связываться. Сейчас, как видно по дальнобойщикам, уже начинают прицениваться. Собственно, дальнобойщики – это же отходники. Это несколько сотен тысяч человек, говорят, что до миллиона, с огромным оборотом, с очень большой долей криминала, они все возят многое другое, кроме официальных грузов. Но сейчас решили так с ними поступить.

Получается, если деньги у государства будут кончатся, один из ресурсов – это попытаться перекинуть на себя теневые потоки. Это приведет к расползанию конфликтов типа «Платона» и конфликтов, связанных с расчисткой финансового рынка. Это явления одного ряда. Что называется, «улучшение налогового адми-

Симон Кордонский:

«СОБСТВЕННО, ДАЛЬ-
НОБОЙЩИКИ - ЭТО ЖЕ
ОТХОДНИКИ. ЭТО НЕ-
СКОЛЬКО СОТЕН ТЫСЯЧ
ЧЕЛОВЕК, ГОВОРЯТ, ЧТО
ДО МИЛЛИОНА, С ОГРОМ-
НЫМ ОБОРОТОМ, С ОЧЕНЬ
БОЛЬШОЙ ДОЛЕЙ КРИ-
МИНАЛА, ОНИ ВСЕ ВОЗЯТ
МНОГОЕ ДРУГОЕ, КРОМЕ
ОФИЦИАЛЬНЫХ ГРУЗОВ.»

Симон Кордонский:

**«ЛЮДИ ПЕРЕХОДЯТ
В ТЕНЬ, ГДЕ ИХ НАЛОГОВАЯ
НЕ ДОСТАЕТ. И ИМЕЮТ
ДЕЛО УЖЕ С МЕНТАМИ
И КОНТРОЛИРУЮЩИМИ
ОРГАНАМИ НАПРЯМУЮ.»**

нистрирования», когда статистический ВВП падает, а налоговые сборы растут. Это все звенья единой цепи попыток государства если не нарастить, то сохранить кормовую базу в условиях, когда большие нефтяные деньги ушли.

Как результат, количество зарегистрированных предпринимателей у нас уменьшилось на 400 тысяч, по-моему. Люди переходят в тень, где их налоговая не достаёт. И имеют дело уже с ментами и контролирующими органами напрямую.

Что такое гараж? Вот гараж в Анапе – жилые трехэтажные гаражи. Там за 50% отката подключают любую электрическую мощность. Причем учитывают только половину потребляемой мощности – так регулируют приборы учета. Эти договоренности связывают людей, представителей государства и занятых в гаражной экономике в единое целое.

Основной запрос от неформальной России к существующей системе – на оборонительную функцию от внешних врагов. С чем и связана вся наша радость по поводу внешних побед. Вы нас защищаете оттуда, вы нас защищаете от некоторых внутренних врагов, чтобы они не разнесли всю поляну, а дальше мы спокойно существуем, и вроде с вами договорились. Когда системе не хватает денег, она периодически начинает пытаться залезть в эти общественные закрома. Но им в ответ: ребят, вы защищайте, выполняйте функцию, и больше от вас ничего не требуется. Получается, что сейчас и есть рецепт стабильности. Возникает вопрос, насколько этот рецепт может быть долговечным. Видите ли, там – воюют. Мы тут внутри питаемся потихоньку, одеваемся, но что им от нас требуется?

Однако после неудач на Украине от трехлетнего плана мы снова перешли к годовому, а на самом деле к трехмесячному финансовому плану. То есть горизонты сплюснулись. И будущего нет даже по нефти. Даже нефть не задает горизонты планирования. Поскольку ресурсов не просматривается в их поле, они обращаются к структурам, в которых еще крутятся ресурсы, но они пока закрыты для государства как института. Но открыты для представителей государства, которые в них включены. Наша экономика себя доедает. Но мне кажется, что это вечная ситуация. Ну, 300 лет одно и то же.

Интересный вопрос: есть ли у нашей системы идеология? Нет. Я несколько лет потратил на то, что-

бы читать то, что никто не читает. Фантастика, мистика, все прочее. Оттуда можно вычитать настоящую «идеологию».

Вот Перхель, человек из Челябинска, написал трилогию. Там Россия проиграла войну. Европейская часть вся оккупирована. В Челябинске организовали сопротивление оккупантам. Всячески их истребляют. Это один тип литературы.

Второй тип – это фантастика. Есть некоторое российское будущее. Опять же, это будущее имперской словесной структуры, которая воюет против иноземных захватчиков.

Это огромный пласт литературы, тысячи наименований. Картина мира, которая транслируется в этих книжках. Они же покупаются. Зайдите в любой книжный магазин в провинции, там только эта литература и есть.

У меня есть одно практическое занятие. У нас рядом «Библио-Глобус». Я беру студентов с рулетками и мы идем мерить картину мира. Этот магазин показательный. Берем метры: сколько в магазине занимает «история». Стоит какой-нибудь Бушков, а в его книге ссылок нет. Значит, это не история, а квази-история. Мифологизированная история – это 90% процентов исторической литературы.

Дальше берем медицину. Ее всего полтора метра. А собственно медицина занимает 10–20 см. Все остальное – самолечение, травы, косметика.

А берем политику. На первом этаже есть раздел «Всякое разное». Когда-то там целую полку занимала «История сталинизма», издания Росархива. Сейчас это место занимают творения квази-политиков и философов. Странное чтиво, совершенно.

А в каком разделе находится социология? «Эзотерика»! ■

«Экстремальная социология – как ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ»

Сергей Хайкин,
директор Института
социального
маркетинга

Что заставляет обратить внимание на эту проблематику? Вероятно, ощущение, что есть скрытые проблемы, которые мы не берем нашими традиционными методами. Возможны профессиональные вызовы, на которые мы, социологи, должны быть готовы ответить. Если говорить об экстремальной социологии, то я по-прежнему считаю, что это удачный термин. С его помощью можно описать исследование объектов, находящихся в зоне повышенного социального напряжения.

Мой первый опыт в этой сфере возник в дни путча 1991 года. Я работал руководителем центрально-черноземного отделения ВЦИОМ. И вот, не дожидаясь команды из Москвы, я собрал в Воронеже всех своих интервьюеров, мы быстро слепили анкету и пустили в поле. Социальное напряжение в те дни достигло крайности. Нужно было рассказать обществу, что с ним происходило. После этого люди начали работать по моей анкете и в других регионах. Вот вам первый опыт, когда все говорили: молчите, молчите, ничего не делайте, страшно – ведь еще никто не знал, чем это все закончится.

Хотите времена еще более ранние, советские? В 1983 году я сделал книжку, которая называлась «Социальный портрет слушателей иновещания». Это тоже зона социального напряжения. Шла психологическая война, и мы видели, как наша страна на информационном поле ее проигрывает. Нужно было понять, кто

это, слушатели иностранного вещания. Это враг? Это потребитель информации, не удовлетворенный тем, что происходит? Получилась небольшая книжка, под 200 страниц, пожалуй, первая такого рода книга, которая вышла еще до перестройки. Интерес КГБ был, я рассказывал о результатах, но само исследование было чисто инициативным. Как и вообще большая часть проектов в экстремальной социологии инициированы самим исследователем. Заказчик, как правило, в это время слишком напряжен, он не может сформулировать проблему, которую мы можем решить.

Я просто старался делать самые интересные исследования. А где самые интересные исследования? Там, где есть социальное напряжение. Не там, где спрашивают человека, любит ли он маргарин «Пышка», как люблю его я. Потому что исследования в области экстремальной социологии – это как в греческом театре: есть хор, герои, злодеи, действие, катарсис, а только потом уже практические рекомендации для заказчика.

Никаких специальных методов у людей, которые занимаются исследованиями в зонах повышенного социального напряжения, конечно, нет. Методы – это как общие для всех ноты. У всех семь нот, но один вечно выбивает пальцем «Чижик-Пыжик, где ты был», а другой разрабатывает симфоническую стратегию социологического исследования. Получается возможность сочетания методических приемов, различных исследовательских техник, которые могут дать хорошие результаты. Как «традиционалисты» в социологии, мы мало работаем мягкими, понимающими методами. Мне очень нравится метод наблюдения. К примеру, в День памяти и скорби крымских татар самый правильный метод – прийти, стоять с людьми, слушать, смотреть, наблюдать, и потом уже оценивать их число, а потом сравнивать с тем, что там в официальных бумажках. Мы совсем мало работаем с социальным экспериментом, который очень хорош в работе со сложными объектами, такими как исламские течения.

Важнейшая задача для нас – это найти объект исследования. Нащупать тему действительно проблемную, которая могла бы стать предметом наблюдения и анализа в области экстремальной социологии. Откуда берутся объекты? Какая тема достойна внимания, так, чтобы польза была и для исследования, и для страны? Например, мы занимались темой эффектив-

Сергей Хайкин:

«ПОТОМУ ЧТО ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ – ЭТО КАК В ГРЕЧЕСКОМ ТЕАТРЕ: ЕСТЬ ХОР, ГЕРОИ, ЗЛОДЕИ, ДЕЙСТВИЕ, КАТАРСИС, А ТОЛЬКО ПОТОМ УЖЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ЗАКАЗЧИКА.»

ности антинаркотической рекламы и показали, что она влияет на человека, который уже готов выйти на скользкий путь, она влияет на окружающих наркоманов людей и так далее, но не на него самого. На деле в момент, от которого мы все ежимся – то есть когда шприц попадает в вену, а кровь подкачивается в этот шприц – наркоман испытывает оргазм. Показать ему этот момент – значит не оттолкнуть его, а стимулировать. Мы поняли, что это вообще не работает.

Многие исследования, при всей их репрезентативности, не имеют никакой прагматической ценности. Так, изучение событий по вторичным источникам, например, в интернете, имеет ценность научно-аналитическую, но, глядя на их результаты, мы готовимся к прошедшей войне. Управленческой ценности это не имеет, а нам хочется, чтобы была прагма. Поэтому первая задача – сформулировать объекты, то есть указать такие территории, социальные слои, группы, предметы, которые могли бы стать предметом экстремальной социологии и заинтересовали людей, которые готовы заплатить за эти исследования.

Как выйти на реальную проблему? В Федеральном агентстве по делам национальностей передо мной стояла задача построить социологический мониторинг состояния межнациональных и межрелигиозных отношений в стране. Проблема в значительной степени заключается в индикаторах. Путем подбора и оттачиваясь от фокус-групповых исследований, мы стали искать показатели так, как их искал бы врач. Мы не стали искать тех, у кого нет туберкулеза или СПИДа, мы стали искать тех, у кого есть туберкулез или СПИД. Мы стали спрашивать, кому плохо. И вот появилась серия индикаторов, где мы задавали людям вопросы: испытываешь ли ты неприязнь, недоверие, ограничение прав, связанных с твоим национальным происхождением. Люди, имеющие социологическое образование, немедленно скажут, что мы в одном вопросе спрашиваем сразу много чего, так нельзя. Но я бы сказал, когда ты рисовать не умеешь, рисуй, как тебя учат в школе; а когда ты уже умеешь рисовать, работай на результат. Есть социально одобряемый ответ: «все в порядке, все хорошо». Когда мы ему говорим «недоверие, неприязнь, ограничение прав» – он думает, думает, думает, ему кажется, может быть, так оно и есть? Тут мы предлагаем ему шкалу – растянутую, необоснован-

Сергей Хайкин:

«НО Я БЫ СКАЗАЛ, КОГДА ТЫ РИСОВАТЬ НЕ УМЕЕШЬ, РИСУЙ, КАК ТЕБЯ УЧАТ В ШКОЛЕ; А КОГДА ТЫ УЖЕ УМЕЕШЬ РИСОВАТЬ, РАБОТАЙ НА РЕЗУЛЬТАТ.»

ную, типа «часто», «редко», «единожды» сталкивался с этим – рассчитанную только на то, чтобы поймать его субъективное впечатление по поводу межнациональных отношений. В результате мы оценили число тех, кому плохо – а это и есть состояние межнациональных отношений. И если, допустим, в такой-то республике значительная доля населения испытывает неприязнь к себе из-за своей национальности, то это наш объект, это проблема! Да, мы не знаем, что там зашито, но мы уже видим, где болит.

Когда мы видим цифры, которые не совпадают с нашим представлением о ситуации, первая мысль какая? Дурное поле. Но тут есть тонкости, которые связаны с тем, что некоторые группы слишком малы, чтобы их проблемы уловить с помощью опроса населения в целом. Если их всего 6-7% в структуре населения, то общая цифра может быть беспроблемной, но, сосредоточившись именно на этой группе, вы проблему увидите. Я настаиваю на том, что в исследовании межнациональных напряжений необходимо выделять квоты для относительно малочисленных групп, чтобы удерживать доли национальности, которые там есть. Ведь если опрашивать случайным образом, напряженная доля населения исчезнет в наших выборках. В таких регионах мы должны предлагать монографические исследования, чтобы получить ответ на вопрос «почему».

Вот эти приемы я хотел вам показать, чтобы ответить на вопрос, откуда берется предмет, откуда берутся идеи. Когда поиск проведен, можно формулировать предложение, смотреть, кто готов заплатить, и предлагать ему работу на результат. ■

«Демография – ЭТО УПРАВЛЕНИЕ ОЖИДАНИЯМИ»

Сергей Рыбальченко,
генеральный директор
Института научно-
общественной
экспертизы

Где мы в демографическом смысле находимся сейчас? Наша стартовая позиция на сегодня?

Россия – одна из самых больших стран, но по численности населения мы занимаем 9-е место в мире. А к 2050 году, по прогнозам ООН, можем откатиться на 18-е. Плотность населения, чем дальше на восток, тем ниже, и на Чукотке она составляет 1 человек на 10 квадратных километров. При этом по соседству с нашим Дальним Востоком – три крупнейшие экономики мира: США, Китай, Япония. Мы живем в прагматичном мире. Они вряд ли станут долго смотреть за тем, как иррационально используется наша территория.

Можно ли считать эту ситуацию поправимой или сделать ничего нельзя?

Ряд демографов считает, что для нас наступил второй демографический переход, через который проходят все развитые страны. В этом случае можно снизить смертность до среднеевропейских показателей, но естественную убыль населения можно только компенсировать миграцией. Но я придерживаюсь другой позиции. Мы видим, что развитые страны, которые последовательно проводят пронаталистскую политику, достигают определенных успехов в улучшении демографической ситуации. И если мы будем идти по этому пути, то перспективы у нас есть.

А привлечение мигрантов рассматривается как полезный инструмент?

В краткосрочной перспективе миграция может решить проблемы дефицита трудовых ресурсов, но в долгосрочной – больше рисков, чем положительных моментов. Мигранты, как правило, неквалифициро-

ванная рабочая сила с невысокими доходами. Нагрузка на социальную сферу, которую они приносят с собой, может перекрыть экономические выгоды, которые мы получаем от их привлечения. На мой взгляд, идеологически правильно и более выгодно помогать коренному населению улучшать жизнь свою и детей, чем стимулировать социализацию людей, не идентичных нам по ментальности. К тому же надо иметь в виду, что в странах – миграционных донорах сейчас свои демографические ямы. На Украине, в Белоруссии – мощнейшая яма, в Средней Азии – тоже, связанная с резким падением рождаемости в 90-х. Рассчитывать нужно на свои ресурсы.

Меры, которые принимаются на государственном уровне, результативны?

В России с 2013 года фиксируется естественный прирост населения. Суммарный коэффициент рождаемости с 2007 года растет в России темпами, самыми высокими в Европе, это второй результат в мире. Увеличивается доля вторых и третьих рождений, снижается смертность, хотя пока и не так, как нам бы хотелось. Но сегодня мы в точке бифуркации: если мы будем наращивать наши усилия, демографическая ситуация будет улучшаться, если нет, мы будем скатываться к негативному сценарию.

Какие факторы толкают нас к падению?

Есть долгосрочные негативные тенденции. Они будут оказывать свое влияние в ближайшие десятилетия, практически весь 21-й век. Это демографическая яма, связанная с низкой рождаемостью в 90-е годы. В 2016-2023 годах численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20-29 лет, на которые приходится 60% всех рождений, сократится, по прогнозам Росстата, на 3,2 млн человек, что приведет к уменьшению абсолютных показателей рождаемости. Это вызов, на который у нас пока нет хорошего ответа.

Последствия для экономики и социальной сферы?

Уже сейчас остро ощущается дефицит кадров в технологических отраслях, прежде всего, в оборонной. Все это будет вести к снижению темпа экономического роста и инвестиционной привлекательности страны. В перспективе снизится численность мужчин призывного возраста. А это может вызвать проблемы с обороноспособностью, национальной безопасно-

Сергей Рыбальченко:

«Есть долгосрочные негативные тенденции. Они будут оказывать свое влияние в ближайшие десятилетия, практически весь 21-й век. Это демографическая яма, связанная с низкой рождаемостью в 90-е годы.»

Сергей Рыбальченко:

«СОКРАТИТСЯ ЧИСЛЕННОСТЬ И ДОЛЯ НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ. ПРИЧЕМ ЭТА ТЕНДЕНЦИЯ СОХРАНИТСЯ ДО 2050 ГОДА И ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ ПРИ ЛЮБЫХ, ДАЖЕ САМЫХ ОПТИМИСТИЧЕСКИХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЯХ.»

стью, а в дальнейшем и с территориальной целостностью.

Сократится численность и доля населения в трудоспособном возрасте. Причем эта тенденция сохранится до 2050 года и за его пределами при любых, даже самых оптимистических демографических сценариях. А доля населения в нетрудоспособном возрасте, наоборот, будет расти. Причем, чем лучше у нас будут показатели рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, тем выше коэффициент демографической нагрузки – отношения численности населения в нетрудоспособном возрасте к численности населения в трудоспособном возрасте.

Это явление я называю «социальной ловушкой демографии». Бездумная «оптимизация социальных расходов» неминуемо приведет к ухудшению демографических показателей. И наоборот: при позитивных демографических показателях существенно вырастут расходы на здравоохранение, пенсионное обеспечение.

Сколько людей будет жить в стране, если все пойдет так, как вы сейчас обрисовали?

В целом при инерционном сценарии, то есть если ничего не изменится, через 35 лет численность населения сократится примерно до 116 млн человек. В 2012 году экспертный совет при правительстве поставил задачу оценить последствия различных демографических сценариев для отраслей экономики и социальной сферы. Наш институт предложил привлечь лучших экспертов в области демографии и подготовить аналитический доклад о том, что нас ожидает. Доклад о демографической политике России «Через 10 лет будет поздно» мы представили 2 года назад.

Особая задача – анализ условий и целевых параметров, при которых население России к 2050 году достигло бы численности 154 млн человек. Этот сценарий демографического роста предложил в 2012 году Владимир Путин в статье «Строительство справедливости. Социальная политика для России». Мы исследовали, что для этого необходимо сделать.

По одному из вариантов, для этого к 2025 году суммарный коэффициент рождаемости должен достичь уровня 2,05 ребенка на женщину и ожидаемая продолжительность жизни 79 лет. Могут сказать, что ориентиры очень высокие. И если вы будете разговаривать с умеренными оптимистами, то они, конечно, скажут,

что это фантастика, это трудно, но дальше мы постараемся обосновать, как этого можно достичь управленчески, основываясь на опыте других стран.

Оптимистичный сценарий снимает проблемы, связанные с демографией?

С численностью населения – да, мы выходим на устойчивый рост в перспективе, при условии миграционного прироста на нынешнем уровне – примерно 300 тыс. чел. в год. Негативные факторы, связанные со структурой населения, останутся. Например, снижение численности населения трудоспособного возраста с нынешних 84 млн на 10 млн. Но при инерционном сценарии, то есть нынешних показателях рождаемости и смертности, мы получим снижение на 25 млн чел, почти на 30%. Т.е. мы фактически уже сейчас и в любом случае должны думать о политике замещения недостающего трудового потенциала. Необходима разработка стратегии развития трудового потенциала и рынка труда, которой на федеральном уровне сейчас нет. Иначе мы все время будем бить по хвостам. Нам нужно всерьез заниматься сбережением и наращиванием трудовых ресурсов, их качеством, повышением производительности труда, замещением человеческого труда – автоматизацией, механизацией, роботизацией.

Как можно это выпадение компенсировать?

Во-первых, это сокращение смертности населения трудоспособного возраста. Это наш главный резерв. В 2015 году примерно 24% всех смертей пришлось на трудоспособное население. Из них 79% это мужчины. Ситуация улучшается, но порядок этих цифр сохраняется на протяжении многих лет. Если мы снизим смертность мужского населения в трудоспособном возрасте до уровня женщин, то сохраним примерно 350 тысяч дополнительных жизней, которые мы теряем ежегодно. Фактически, это уровень миграционного прироста. Т.е. происходит замещение трудоспособного мужского населения мигрантами. Мы должны сократить нашу смертность примерно на 25%. Это очень трудно, конечно. Но другого выхода у нас нет. И с моей точки зрения, это реально.

А второе – стимулирование активного трудового долголетия. За счет этого можно получить дополнительно 5-6 млн работающих. Для этого нужны программы трудовой инклюзии людей с инвалидностью

Сергей Рыбальченко:

«Мы должны сократить нашу смертность примерно на 25%. Это очень трудно, конечно. Но другого выхода у нас нет. И с моей точки зрения, это реально.»

Сергей Рыбальченко:

«ВО ФРАНЦИИ И СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ ШИРОКОЕ РАЗВИТИЕ ЯСЛЕЙ И НЯНЬ ПОЗВОЛИЛИ СУЩЕСТВЕННО ПОВЫСИТЬ РОЖДАЕМОСТЬ И УЛУЧШИТЬ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ ОДНОВРЕМЕННО.»

и более быстрое возвращение женщин, родивших ребенка, на рынок труда. Для этого нужна эффективная система ухода за детьми до 3 лет. Во Франции и странах Скандинавии широкое развитие яслей и нянь позволили существенно повысить рождаемость и улучшить материальное положение семей одновременно.

Будет ли население реагировать на меры демографической политики?

Исследование, проведенное в 2012 году Росстатом вместе с Центром изучения проблем народонаселения МГУ, показывает, что, если новые меры будут введены в ближайшие три года, то женщина оценивает вероятность рождения второго ребенка в 1,4 раза выше, а третьего – почти в 1,7 раза выше. Т.е. население готово реагировать на новые меры демографической политики. И ждет их.

На прежние меры оно реагировало?

Статистика и исследования показывают, что реагирует. В 2007 году произошел первый существенный рост рождаемости. Это эффект от введения материнского капитала и мер поддержки семей с детьми.

Но дальше темпы роста рождаемости постепенно снижались. К 2012 году демографы ожидали сокращения рождаемости. Но новые инициативы, связанные с бесплатными земельными участками для многодетных и региональным материнским капиталом, позволили в 2012 году получить прирост примерно на 100 тысяч новых рождений, который сохраняется до сих пор. Региональный материнский капитал выделяется в дополнение к федеральному при рождении третьего ребенка и последующих (а в некоторых регионах даже начиная со второго). Т.е. все-таки демография – это управление ожиданиями. Если люди ожидают, что будет улучшение, они на это реагируют.

Есть ли у нас резервы? Да, снижается численность женщин в активном репродуктивном возрасте 20-29 лет. Но пока еще растет контингент в возрасте 30-34 года, в этом диапазоне находится средний возраст матери при рождении 3-го ребенка. При этом «Что оценивает женщина?» – это очень хороший вопрос. Есть разница между числом желаемых женщиной детей и числом действительно родившихся. У нас сейчас желаемое число детей колеблется около 2,3. При этом ожидаемое число 1,92. Фактически разница у нас 0,6. Вот это и есть предел возможностей для наших реше-

ний и влияний. Нужно убрать те барьеры, которые мешают семье и женщине иметь большее число детей.

Что мешает в первую очередь?

Материальные трудности и неуверенность в завтрашнем дне отмечают примерно 80%, жилищные проблемы – 68%. Когда мы говорим, что преградой для рождения большего числа детей являются материальные трудности, нужно помнить, что самое бедное население в России на сегодня – это детское население. Но дети не сами по себе, а вместе с родителями попадают в эту категорию. Из 22 млн бедных сегодня более двух третей – семьи с детьми. Причем большая их часть проживает в сельской местности и малых городах с численностью населения до 50 тысяч человек.

Мы еще три года назад постарались посчитать, сколько нужно средств, чтобы эту глубину бедности смягчить хотя бы до прожиточного минимума. Это 254 млрд рублей, или 0,5 % ВВП по данным 2012 года. Причем решить проблему бедности нужно не столько за счет пособия, сколько за счет мобилизации трудовой активности, обучения, яслей и прочих мер.

Крайне необходима система семейного налогообложения, когда налоги вы платите в зависимости от брачного состояния и семейной нагрузки. Вступаете в брак – вы платите меньше налог. У вас рождаются дети – и с каждым ребенком все меньше налог. Например, в силу такой системы французская семья с двумя детьми платит в три раза меньше налогов, чем российская семья. Мы одна из немногих стран, которая не имеет прогрессивной шкалы налогообложения доходов. Альтернативой может стать семейное налогообложение, которое зависит не от размера доходов, а от вашего вклада в будущее страны. Вот эта форма стимулирования, на мой взгляд, очень перспективна.

Еще одна задача, которая системно не решена, это реализация специальной программы по первоочередному улучшению жилищных условий для семей с тремя и более детьми.

И, кстати, третье наше предложение – это такой демографический маневр, когда часть акциза, повышение акциза на табак и алкоголь могли бы направляться в этот фонд для реализации мер демографической политики.

Меры по сокращению потребления алкоголя и табака совсем не на «ура» воспринимаются круп-

Сергей Рыбальченко:

«КОГДА МЫ ГОВОРИМ, ЧТО ПРЕГРАДОЙ ДЛЯ РОЖДЕНИЯ БОЛЬШЕГО ЧИСЛА ДЕТЕЙ ЯВЛЯЮТСЯ МАТЕРИАЛЬНЫЕ ТРУДНОСТИ, НУЖНО ПОМНИТЬ, ЧТО САМОЕ БЕДНОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РОССИИ НА СЕГОДНЯ – ЭТО ДЕТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ.»

ными игроками, которые на этом строят свой бизнес. Можно ли говорить о существовании «антидемографического лобби» и объяснить его усилиями то, что очень многих решений еще не приняли?

Алкогольный бизнес, как вообще бизнес, основанный на социальных пороках, безусловно, всячески продвигает себя. И как только находит возможность отыграть ситуацию назад, он это делает. Делает это мастерски, всячески обосновывая, например, что народ у нас умирает не от водки, а от плохой водки. А на самом деле есть прямая зависимость между цифрами смертности и принятием определенных решений относительно алкоголя.

Ограничение на продажу алкоголя во время массовых праздников и после 23 часов, антитабачный закон как-то влияют на демографическую ситуацию?

Конечно. Меры, которые направлены на снижение потребления, приводят к улучшению ситуации. Ограничение алкоголя – это не наше изобретение. Во-первых, это путь перевода на более легкий алкоголь. Если люди переходят на пиво и на вино, это лучше с точки зрения снижения смертности, чем крепкий алкоголь. Потому что крепкий алкоголь очень сложно человеку дозировать, он выходит из-под контроля. Во-вторых, необходимо общее снижение потребления алкоголя населением. Обыватель считает, кто сильно пьет, те и умирают. На самом деле умирают все, в том числе малопьющие. Потому что человеку иногда достаточно маленькой дозы, чтобы у него развилось какое-то заболевание.

Роль медицинской защиты материнства и детства?

У нас 30% детей рождается больными или заболевшими. Сейчас у нас заниматься здоровьем женщины и ее будущего ребенка начинают с того момента, когда она обратилась, уже будучи беременной. Одна из идей – это введение такого сертификата молодоженов, чтобы люди могли, еще только решив завести ребенка, пройти полный скрининг-анализ и, если потребуется лечение, пролечиться. Потому что инфекция на самом деле имеет решающее значение именно в здоровье детей.

Денег у государства становится меньше. Есть ли меры дешевые, а лучше бесплатные?

Сергей Рыбальченко:

«ОБЫВАТЕЛЬ СЧИТАЕТ, КТО СИЛЬНО ПЬЕТ, ТЕ И УМИРАЮТ. НА САМОМ ДЕЛЕ УМИРАЮТ ВСЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ МАЛОПЬЮЩИЕ. ПОТОМУ ЧТО ЧЕЛОВЕКУ ИНОГДА ДОСТАТОЧНО МАЛЕНЬКОЙ ДОЗЫ, ЧТОБЫ У НЕГО РАЗВИЛОСЬ КАКОЕ-ТО ЗАБОЛЕВАНИЕ.»

Правительство должно понять, что расходы на детей – самые важные инвестиции. Материнский капитал – это инвестиции. 96% всех средств материнского капитала направляется на строительство жилья. Каждый рубль, вложенный в строительство, приобретение жилья, автоматом возвращает 40% в бюджеты всех уровней. Есть расчеты, которые это показывают. Дальше, вы ведь строите экономический объект, в котором есть услуги ЖКХ, налоги на имущество, и прочее, и прочее. Т.е. возвратность этих средств обеспечивается.

Услуги по уходу за детьми до 3 лет. Это абсолютно не дорогая система. Во Франции 37% детей обслуживают сертифицированные няни на дому. Няня, которая прошла 60 часов первоначальной подготовки, у себя дома принимает 3-4 ребенка. Да, государство дает пособие няне, выплачивает за нее пенсионные взносы, но мама при этом возвращается к работе. Не теряет свою профессиональную квалификацию, не просит пособий. Эти меры в кризис крайне нужны. И бизнес должен об этом говорить в полный голос.

Нельзя сказать, что ничего не делается. Правительством предложены меры поддержки матери при рождении первого ребенка, в частности стимулирование мер, когда мама с ребенком может пройти подготовку при поступлении в вуз. Но этих мер в условиях роста бедности населения недостаточно.

Есть ли регионы, которые позитивно выделяются на общем демографическом фоне?

Из регионов, которые мы изучали, неожиданно даже для себя я бы выделил Сахалин. Не по общей ситуации, а по рождаемости. Потому что они вышли на хороший уровень рождаемости 1,9 ребенка на женщину. И скорее всего, благодаря недорогим мерам. Они начали выплачивать пособие на питание – сначала беременным и многодетным, потом всем мамам, имеющим детей до 3 лет.

Какие решения должны быть приняты на федеральном уровне?

В демографической политике нужны долгосрочные инструменты и механизмы, которые не зависят ни от политического курса, ни от общественных настроений.

Если будет принят комплекс новых мер, государству необходим надежный управляющий партнер в области демографической политики. Назовем его условно

Фонд «Будущее поколение». Например, во Франции это Национальная касса семейных пособий – орган, который занимается не только выплатой пособий, а финансированием яслей, социальной работой. Касса работает по контракту с правительством, финансируется из разных источников, в том числе за счет части акцизов на табак.

Сергей Рыбальченко:

«НУЖНА СИСТЕМА ПРОСЕМЕЙНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ИМЕЮЩИХ РЕАЛЬНЫЕ РЫЧАГИ ВЛИЯНИЯ НА МЕСТНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ.»

Нужна система просемейных общественных организаций, имеющих реальные рычаги влияния на местном и региональном уровне. Нужен национальный союз просемейных организаций на федеральном уровне, пока такой организации нет. Правда, наш опыт показывает, что атрибуты часто создаются ради атрибутов, а не действий.

Я предлагаю в ближайшие 5 лет реализовать 2 национальных проекта: развитие системы услуг по уходу за детьми до 3 лет (ясли и няни) и снижение смертности мужского населения в трудоспособном возрасте. Оба проекта можно сделать только с опорой на просемейные организации и бизнес.

Общественное сознание к таким мерам уже достаточно подготовлено. Многочисленные исследования, как международные, так и российские (ВЦИОМ, ФОМ), показывают, что на первый план среди разделяемых нашим обществом ценностей вышла семья, чего не было в советское время. В Советском Союзе на первом месте была работа, и в целом материальное благополучие, но не семья. ■

«В России нарастает самоизоляция от международной научной жизни»

**Василий
Молодяков,**

профессор Института
японской культуры
Университета Такусёку
(Токио)

В результате работы поколений историков составила громкая библиотека, где можно найти повествования на любой вкус – о битвах, о мирной жизни, об интригах и преступлениях, любви и подвигах. Каждая история со своими завязкой, кульминацией и развязкой, со своими действующими персонажами, даже если «персонажем», как у Броделя, выступает, например, Средиземноморье. При том что ученый, пишущий историю, не может «сочинять» ее, как роман, похожа ли работа над историческими сюжетами на труд романиста?

Если работа историка похожа на работу романиста, то грош цена такому историку.

Главный водораздел – fiction или non-fiction, вымысел или нет. В научной работе вымысла быть не может. Нисколько. Иначе это не научная работа. Только факты – проверенные или проверяемые по источникам.

Конечно, стопроцентной достоверности быть не может. Но не будем доводить это утверждение до абсурда и говорить: я Риббентропа не видел, значит, его не существовало. Собираание источников и оценка их достоверности – важнейший навык в работе историка. Скорее, она похожа на работу следователя, а то и оперативника. Историк – прежде всего Шерлок Холмс, а потом уже доктор Ватсон. Если исторический романист работает так же, он молодец. То есть это работа романиста похожа на работу историка, а не наоборот.

При этом историк не должен ограничиваться перечислением фактов – хотя иным авторам книг на исторические темы следовало бы поступить именно так.

Историк должен анализировать собранный материал, и тут начинается самое трудное.

Сначала он отвечает на вопросы: кто, что, где, когда, с кем? А потом – почему? Почему именно тот, именно то, именно там, именно тогда и именно с теми? В одних случаях ответы на вопросы есть в источниках и в трудах предшественников, которые надо знать, но от которых не следует зависеть. В других случаях ответа нет, и историк ищет его самостоятельно.

Но если он что-то предполагает, он должен сказать: я так предполагаю потому-то и потому-то. Нельзя выдавать недоказанные догадки за установленные факты – а именно этим грешат многие книги на исторические темы, порой даже научные или имеющие вид научных. А вот у романиста такое право есть!

В общем, история может объединять строгость анализа и «увлекательный нарратив», но без увлекательности история может обойтись, а без строгости она перестанет быть наукой. Но вообще, вопрос возник оттого, что как раз ваши исторические работы, начиная с «Консервативной революции в Японии», удерживают внимание, как хороший роман.

Василий Молодяков:

«НЕ УСТАЮ ПОВТОРЯТЬ, ЧТО ПОДЛИННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ ИНТЕРЕСНЕЕ ЛЮБОГО ВЫМЫСЛА.»

Не устаю повторять, что подлинные исторические факты интереснее любого вымысла. А умение связно и хорошим литературным языком излагать свои мысли должно быть качеством не только романиста, это хороший тон для любого пишущего.

Что касается самого процесса писания – заключительной стадии работы историка – то учиться у романистов вовсе не обязательно и даже нежелательно. Среди ученых, авторов non-fiction, много прекрасных стилистов, мастеров слова. Причем это не обязательно историки.

Например, на стиль моих писаний еще в юности большое влияние оказали Леонид Гроссман и Юрий Тынянов – как историки литературы, а не как романисты! Правда, по моим текстам это влияние малозаметно, я пишу по-другому.

Реально на меня повлияли – сейчас я говорю о форме, а не о содержании – мой учитель Леонид Долгополов и Александр Лавров – оба историки литературы, Гарри Барнес и Дэвид Ирвинг – историки политики и международных отношений.

Речь о ЧТО и КАК должна идти отдельно! В отношении ЧТО позиции историка и романиста принципи-

ально различны. Водораздел проходит по линии возможности/невозможности вымысла.

В отношении КАК историография прошлых веков была куда более «романной», чем это принято сейчас, возьмем ли мы в пример Карамзина или Моммзена. Но критерий научности состоит в том, что историк не может выдумывать не только «факты», но и «реакции» или «мысли» исторических лиц, если на то нет указаний в источниках.

Вы относите себя к академическим ученым?

Я – академический историк, историк-профессионал. Но я не «системный» историк. Это принципиальная разница.

Почти все мои книги продиктованы прежде всего собственным любопытством, личным и профессиональным, которые в данном случае тесно переплелись. Я писал их не ради карьеры (не было такой необходимости), не ради денег (гонорары, когда их платили, едва покрывали расходы на покупку нужных для работы книг, а в последние годы и вовсе приходится издаваться за собственный счет), не ради отработки социального заказа (мне ни разу ничего не заказали!). Я писал их, потому что хотел разобраться сам в той или иной проблеме или личности.

Я написал первые – вообще первые – биографии Тосио Сиратори, Валерия Брюсова и Георгия Шенгели. Первую научную биографию Иоахима фон Риббентропа – все остальные хуже некуда. Если бы Дэвид Ирвинг написал биографию Риббентропа, я бы ее с радостью прочитал и, конечно, не стал бы с ним тягаться. Лучше других, как ни странно, в литературе был представлен Джордж Вирек. О нем есть две качественные книги на английском языке, но ни одна не давала его полного жизнеописания. Я много взял из них, но в моей книге немало того, чего нет ни в них, ни вообще где бы то ни было. Речь прежде всего о моей коллекции «вирекианы».

Вы провели интересное деление: на историков «академических, но не системных» и историков «академических и системных» (наверное, есть еще «системные, но не академические», «и не системные, и не академические»). Скажите, а в чем преимущества несистемности для академических историков? И насколько кардинально принадлежность «системе» (можно ее определить?) влияет на качество результатов ученого?

Василий Молодяков:

«НО КРИТЕРИЙ НАУЧНОСТИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТО ИСТОРИК НЕ МОЖЕТ ВЫДУМЫВАТЬ НЕ ТОЛЬКО «ФАКТЫ», НО И «РЕАКЦИИ» ИЛИ «МЫСЛИ» ИСТОРИЧЕСКИХ ЛИЦ, ЕСЛИ НА ТО НЕТ УКАЗАНИЙ В ИСТОЧНИКАХ.»

«Академический» – в смысле профессиональный, то есть обладающий должной квалификацией и умением, о которых нужно судить по качеству работ, а не по наличию профильного образования и ученых степеней. Его цель – искание истины, хотя такое определение может показаться высокопарным. Он следует традициям и правилам академической этики. В каком учреждении работает ученый и в какой стране живет – не важно. Важно качество его работы.

Однако такие ученые как правило «одиночки», даже если служат в академических институтах. Под «системными» учеными я понимаю не просто тех, кто служит в институтах и университетах, но кто играет по другим правилам. Кто озабочен не поиском истины, а собственным благополучием, впрочем, как правило, очень скромным. Их цель – получить и «освоить» грант. Исследование – лишь средство для этого. Качество мало кого волнует – главное отчитаться.

Василий Молодяков:

«Я ЗНАЮ, ЧТО У ЛЮДЕЙ, СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ, НЕБОЛЬШИЕ ЗАРПЛАТЫ И ОГРОМНАЯ НАГРУЗКА, ЧТО ОНИ СТРАДАЮТ ОТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО МАРАЗМА И ВО МНОГИХ ОТНОШЕНИЯХ НЕ СВОБОДНЫ, У НИХ МАЛО ВРЕМЕНИ НА КАЧЕСТВЕННУЮ НАУЧНУЮ РАБОТУ.»

Поймите меня правильно, я их не осуждаю. Я знаю, что у людей, служащих в российских академических институтах и университетах, небольшие зарплаты и огромная нагрузка, что они страдают от бюрократического маразма и во многих отношениях не свободны, у них мало времени на качественную научную работу. Но у них есть источники финансирования, им гарантировано издание их работ, они активно друг друга рецензируют и хвалят.

Пусть бы все оно так и было, но в этой среде очень развита клановость, то есть деление на «своих» и «чужих». И это деление подменяет собой оценку работ по их качеству. Правила академической этики давно забыты и попорчены. «Своим» прощается всё, «чужих» можно топтать, не стесняясь ничем, или в лучшем случае замалчивать, вне зависимости от качества сделанного. Полученные средства распределяются среди «своих», а предложение «чужого» о сотрудничестве воспринимается как покушение на «выбитый» грант.

Иначе говоря, принадлежность к системе обеспечивается за счет таких механизмов, что научное качество на выходе просто не требуется?

Увы, это так. Получится хорошо – слава богу. Получится кое-как – все равно отчитаться можно, да и «свои» похвалят. Неудивительно, что качество работ представителей «системной» науки стремительно падает. Но они – в силу принадлежности к системе – вызываются

говорить от имени всей «науки», а «не-системных» или «чужих» игнорируют. И это не считается зазорным.

При этом «не-системные» ученые – говорю о профессиональных, академических ученых, а не просто о людях вне «системы» – сами обеспечивают свою деятельность, за собственный счет издают книги и т.д. И качеством работы – это, повторю, главный, если не единственный критерий оценки в науке – они часто превосходят «системных». Понятно, что «системные» их, мягко говоря, не любят.

Между этими двумя условными «фракциями» идет полемика, взаимная критика?

К сожалению, в современной России любая критика воспринимается как личное оскорбление, какой бы профессиональной она ни была. И отвечают на нее обычно личными оскорблениями. Поэтому я не пишу отрицательных рецензий. Не хвалю и не критикую то, что считаю недостойным, а просто не пишу об этом. Все это вещи общеизвестные. Только о них не любят говорить вслух.

Когда вы говорите о клановости в науке, то речь идет о личных связях («ну как не порадеть родному человечку») или об идеологической парадигме? Иначе говоря, «кланы» – это своего рода кумовство – или они объединены идейно-теоретической платформой, то есть представляют собой все же что-то вроде «школы»? Существуют ли вообще сейчас в российской исторической науке «школы»? Ведется ли между ними борьба сформулированных и аргументированно отстаиваемых позиций?

«Кланы» объединяются и по политико-идеологическим мотивам, и по личным. Не удивительно, если люди, придерживающиеся одинаковых или схожих взглядов, объединяются для их пропаганды. Так дело обстоит везде. Но для науки это очень плохо.

Ученые должны заниматься поиском истины – желательнее, совместно, – а не пропагандой политических взглядов и тем более не «заушанием» оппонентов по политическим мотивам. Понимаю, что это звучит удручающе банально, но в современной российской науке и особенно в околонучном информационном пространстве мы наблюдаем именно господство пропаганды и «заушания».

Научная «школа» тем и отличается от «клана», что должна формироваться на методологической, а не на

Василий Молодяков:

«К СОЖАЛЕНИЮ, В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ЛЮБАЯ КРИТИКА ВОСПРИНИМАЕТСЯ КАК ЛИЧНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ, КАКОЙ БЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОНА НИ БЫЛА.»

Василий Молодяков:

«УЧЕНЫЕ ДОЛЖНЫ ЗАНИМАТЬСЯ ПОИСКОМ ИСТИНЫ - ЖЕЛАТЕЛЬНО, СОВМЕСТНО, - А НЕ ПРОПАГАНДОЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ И ТЕМ БОЛЕЕ НЕ «ЗАУШАНИЕМ» ОППОНЕНТОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ МОТИВАМ.»

Василий Молодяков:

**«БОРЬБА ПОЗИЦИЙ,
О КОТОРОЙ ВЫ ГОВОРИТЕ,
ИДЕТ. НО ЭТО В БОЛЬШЕЙ
СТЕПЕНИ БОРЬБА ПО-
ЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ
И ЛИЧНЫХ АМБИЦИЙ,
А НЕ ИСТОРИЧЕСКИХ
КОНЦЕПЦИЙ.»**

идеологической основе. Хотя скорее всего у представителей одной научной школы будут схожие общественно-политические позиции, а возможно, и схожие симпатии и антипатии. Это нормально. Главное – оценивать работу и «своих», и «чужих» по ее качеству, а не по принадлежности к «клану» – не устану это повторять, потому что так бывает крайне редко.

Борьба позиций, о которой Вы говорите, идет. Но это в большей степени борьба политических позиций и личных амбиций, а не исторических концепций. Во всяком случае применительно к сфере моей профессиональной деятельности, будь то история международных отношений первой половины XX века или русской литературы Серебряного века, это так. Как обстоят дела, скажем, у античников, медиевистов или африканистов, я не знаю.

В чем вы видите свои расхождения с российским академическим «мейнстримом»?

Я против тех, кто:

- а) идеологизирует историю, то есть использует ее в сиюминутных политических целях, включая «заушение оппонентов», – это пропагандисты;
- б) кто недостаточно компетентен, плохо знает источники и историографию, в том числе зарубежную, не умеет оценивать достоверность фактов, неубедительно выстраивает причинно-следственные связи, увлекается «теориями заговора», занимается плагиатом – это халтурщики;
- в) сознательно искажает факты или замалчивает то, что им неудобно, – это фальсификаторы.

К сожалению, таковые присутствуют и среди академических ученых, и среди «народных академиков» (о последних и вовсе говорить не хочется). С теми, кто так не поступает, я готов к профессиональной дискуссии, но именно профессиональной, без перехода на личности (о чем мы уже говорили), без апеллирования к политическим взглядам, клановой принадлежности и т.д.

По многим проблемам, о которых я пишу, у современного российского академического «мейнстрима» вообще нет никакой позиции или ее не видно. По другим идет борьба, не в последнюю очередь мотивированная политическими соображениями.

Например, свою концепцию происхождения двух мировых войн я изложил – правда, вынужденно кратко

и без научного аппарата (таково было условие издательства) – в книгах «Первая мировая: война, которой могло не быть» и «Вторая мировая: война, которой не могло не быть», выпущенных в 2012 г. издательством «Просвещение», которому я за это очень благодарен. Изложенная там точка зрения во многом не согласуется, а порой и противоречит тому, о чем «принято» писать в официальной науке.

Между тем никакой серьезной критики моей концепции я не видел. Был бы рад случаю изложить ее более подробно, но... обсуждение событий, связанных со Второй мировой войной, в России потенциально чревато уголовным преследованием, а такое в мои планы не входит.

Могут ли академические «одиночки», о которых вы говорили, группироваться в рамках общей позиции, которую они отстаивают? Может быть, «школы» сегодня складываются на международном уровне?

«Одиночки» могут объединиться и объединяются именно по профессиональному признаку, хотя и не в форме какой-то организации. Будучи «одиночкой» в системном отношении, я совершенно не чувствую себя одиноким, потому что нахожусь в постоянном профессиональном контакте с десятком исследователей по разным специальностям.

Мы не создаем «общества», не подписываем «декларации», не ищем «ресурсы», не вербуем сторонников. Мы просто постоянно обмениваемся информацией о своей работе, о том, что делается в нашей сфере, читаем и критикуем тексты друг друга – обычно до публикации. По-моему, это одно из базовых, необходимых условий развития любой науки.

Мы придерживаемся разных политических взглядов, но это нам не мешает. Наука – наше общее дело, и это одно, это самое важное. Политика – частное дело каждого – совсем другое.

Очень интересно ваше замечание насчет складывания «школ» на международном уровне. Это было бы замечательно! Как специалист по истории международных отношений первой половины XX века я чаще нахожу единомышленников вне России – речь о единомышленниках в науке, а не в политике.

Но есть два препятствия. Первое: в зарубежной академической среде, будь то Европа, Америка или Япония,

Василий Молодяков:

«ОДИНОЧКИ» МОГУТ
ОБЪЕДИНИТЬСЯ И ОБЪЕДИНЯЮТСЯ ИМЕННО
ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ
ПРИЗНАКУ, ХОТЯ
И НЕ В ФОРМЕ КАКОЙ-ТО
ОРГАНИЗАЦИИ.»

русский язык знают только русисты, поэтому работы русских ученых не по российской тематике остаются просто непрочитанными (совершенно та же проблема с японским языком). Нужно гораздо больше переводов на английский язык – латынь современной науки, нравится этот факт кому-то или нет.

Второе: явная в сегодняшней России тенденция к самоизоляции от международной научной жизни. А это в любом случае прискорбно и опасно.

В чем выражается эта тенденция к самоизоляции? И кто стоит за ней?

Об этом надо поговорить подробнее.

Как известно, за советский период все гуманитарные науки в России изрядно отстали от мирового развития – в силу жесткого идеологического контроля, давления «марксизма-ленинизма», невозможности свободно высказывать свои идеи, крайне ограниченных контактов с зарубежными коллегами. Научные командировки были монополией номенклатуры от науки или раздавались в качестве поощрения, а их лишение было самым эффективным наказанием. Но был доступ к иностранной научной литературе, включая периодику, которую исправно выписывали государственные научные библиотеки. Советские ученые, пусть и под номенклатурно-идеологическим контролем, регулярно участвовали в международных и двусторонних форумах, материалы которых издавались и по-русски. Многие их работы, включая действительно выдающиеся, переводились на английский язык в самом СССР издательством «Прогресс». Это делалось государством, которое понимало, что престиж страны, тем более претендующей на звание мировой державы, основывается в том числе на уровне развития ее науки. Да и русский язык был одним из важных языков мировой науки.

В перестройку ситуация изменилась. Ослабел, затем исчез идеологический контроль. Исчезла цензура. Ученые получили возможность свободно выезжать за границу – правда, за свой счет или за счет принимающей стороны. Потому что государство почти прекратило финансировать науку и демонстративно повернулось к ней спиной. Сколько талантливых людей ушло из науки! За этим потерялся еще один страшный удар по ней – прекращение закупки иностранной научной литературы.

Это ведь было в доинтернетную и ранне-интернетную эпоху, когда главным носителем знаний оставалась

Василий Молодяков:

«В ПЕРЕСТРОЙКУ СИТУАЦИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ. ОСЛАБЕЛ, ЗАТЕМ ИСЧЕЗ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ. ИСЧЕЗЛА ЦЕНЗУРА. УЧЕНЫЕ ПОЛУЧИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ СВОБОДНО ВЫЕЗЖАТЬ ЗА ГРАНИЦУ – ПРАВДА, ЗА СВОЙ СЧЕТ ИЛИ ЗА СЧЕТ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ.»

бумага. Выезжая в девяностые годы в заграничные командировки, многие российские ученые тратили собственные деньги – которых и так было мало – на книги и ксерокопии, потому что иначе просто не могли работать. Пока интернет не стал широко доступен в России и пока в нем не появилось большое количество нужных для работы материалов – это произошло далеко не сразу, – российские ученые не имели возможности систематически следить за работами коллег и за публикациями источников, т.е. оказались оторванными от развития мировой науки. Наверно, лет десять отрыв был полным. Но и потом иностранную литературу государственные библиотеки выписывать не стали и денег на это ученым не дают.

Ученые предоставлены сами себе. В России никто – на системном уровне – не думает об издании работ русских ученых на иностранных языках, о пропаганде русской науки в мире. Кто сумел организовать издание своих трудов – тот молодец, но здесь каждый за себя. Еще бóльшая проблема – распространение. Печататься в заграничных и международных научных журналах ученым из России и так непросто – тут нужны не только качественные тексты на хорошем английском языке, но наличие необходимых личных связей и встроенность, в том числе методологическая и отчасти идеологическая, в тамошнюю академическую систему, где свободных мест тоже нет. Никто российских ученых-гуманитариев за границей не ждет с распростертыми объятиями. Надо каждый раз доказывать свою конкурентоспособность.

В 2000-е годы ситуация вроде бы стала меняться к лучшему, несмотря на фатальное отставание российской гуманитарной науки почти по всем дисциплинам. Сейчас она меняется к худшему. С одной стороны, система требует от ученых публикаций в иностранных научных изданиях, причем определенного типа, участия в международных конференциях. Требует количества, а не качества – что губительно для науки.

С другой стороны, контакты с внешним миром искусственно сокращаются. Науку лишили иностранного финансирования, не дав взамен адекватного отечественного. Многие публикации за границей рассматриваются как «нежелательные» по политическим и идеологическим причинам, хотя речь идет об академических работах. Чиновники открыто выска-

Василий Молодяков:

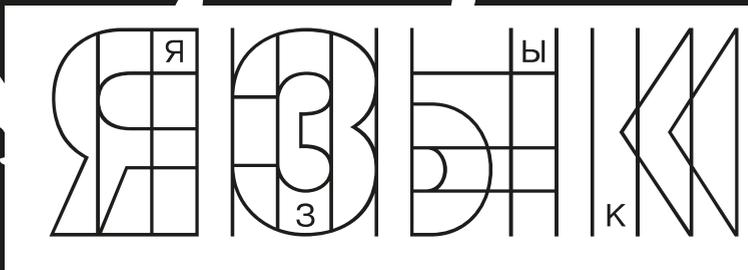
«УЧЕНЫЕ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ САМИ СЕБЕ. В РОССИИ НИКТО - НА СИСТЕМНОМ УРОВНЕ - НЕ ДУМАЕТ ОБ ИЗДАНИИ РАБОТ РУССКИХ УЧЕНЫХ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ, О ПРОПАГАНДЕ РУССКОЙ НАУКИ В МИРЕ.»

зывают недовольство учеными, которые занимаются иностранной проблематикой: изучайте и пропагандируйте (!) отечественное! Недовольство вызывает даже большое количество ссылок на иностранные публикации. Изданием лучших работ российских ученых на английском языке никто как не занимался, так и не занимается. Иностранным ученым чинят препятствия в работе внутри России. Закрывают архивы – от этого не только иностранцы страдают. Вспоминается старая шутка: «Нам на фестивале в Каннах приз не дали ни один. К нам они пускай приедут – мы им тоже фиг дадим!»

Что дальше? Возвращение к сталинским временам, когда отрицательная рецензия на книгу советского ученого в «буржуазном» журнале приветствовалась, а положительная вызывала подозрения и могла быть поводом для репрессий? Создание «Советской науки 2.0», автономной от «буржуазной лженауки»? Трофим Денисович Лысенко одобрительно кивает с того света – «яровизация» на марше.

Всё так плохо? Что же делать?

Бывало и хуже. Что делать? Пока возможно – продолжать работу, работать честно и качественно, но при этом осознать, что надеяться по большому счету стоит только на себя. ■

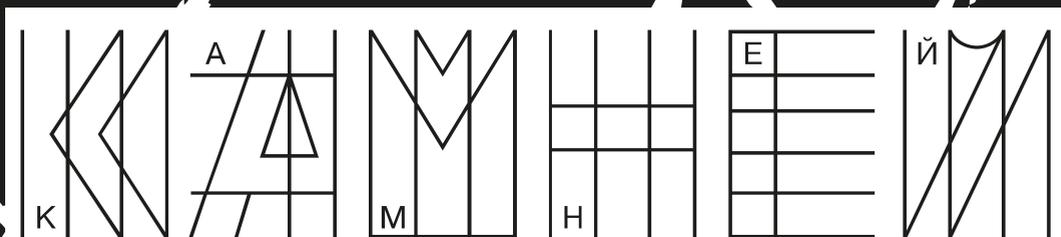

Как понять язык камней – о чем говорят свидетелям архитектурные формы зданий, что внушают прохожим ландшафтные символы городов?

Два специалиста отслеживают в динамике особенности русской архитектуры. Один фиксирует волны стилистических заимствований, другой – прилив, отлив и новое возвращение смысла-праобраза. Один стоит на позициях рационального объяснения эмпирических фактов. Другой из наблюдаемых фактов реконструирует их метафизические основания.

Удивительно же то, что равно внимательный взгляд даже со взаимоисключающих позиций способен разглядеть одно и то же. При всех оговорках, для обоих исследователей коренные особенности национальной архитектуры задаются вмещающим постройки географическим ландшафтом и характером российской политической власти.

И поскольку реки, холмы и низины долговечнее человеческих строений, а власть так же хищно пульсирует в любых поли-

тических одеждах, смена влияний и стилей в архитектуре храмовых комплексов и городской застройки в конечном счете отвечает одним и тем же визуальным привычкам – говоря языком эмпиризма, извечным символическим структурам – переходя на язык метафизики.

На фоне несгибаемых факторов, в тени которых люди строили свои жизни и здания, по улицам городка ходит художник и схватывает следы неизбежных воздействий в полуруинах и отдельных сохранных постройках.

Так вся ситуация переворачивается. Силы ветра, воды и земли уже не диктуют вкус к приземистым формам и единственной вертикали, а послушно проступают в кротости штриховки, оживляя рисунок. И карандаш не подчиняется политической воле, как в руках чертежника, но свидетельствует сущность власти, чьи раздутые деяния оставили по себе запустение.

«МОСКВА – САМЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД ИЗ ВСЕХ МЫСЛИМЫХ ГОРОДОВ»

Выступление на экспертном клубе
ВЦИОМ «Платформа»

**Рустам
Рахматуллин,**
координатор
общественного
движения
«Архнадзор»,
градозащитник,
москвовед,
писатель, лауреат
премии «Большая
книга»

Я наивно полагал, что смогу попасть к вам на Берсеневку из Кремля, где у меня была телевизионная работа, через Боровицкие ворота. Но четверг в Кремле – выходной день. Поэтому я вышел через Спасские ворота и дальше должен был либо двигаться в обход Кремля, либо спускаться в метро. Это хорошая подробность для начала разговора о том, как архитектура Москвы пронизана отношениями власти.

Эпизод, о котором я только что рассказал, отсылает к важному вопросу: является ли Кремль частью городского пространства или он является выделенным из этого пространства замком. Московский Кремль, конечно, – это самая первая городская территория. «Замком» он стал лишь в 1918 году, когда был закрыт для свободного прохода людей.

Если мы платим за вход – это замок. Если в определенный час нас вытесняют оттуда не называющие себя люди – это опять-таки замок. Но до 1918 года люди свободно ходили из одних кремлевских ворот в другие, независимо от того, присутствовал государь в Кремле или нет. Это картинка, иллюстрирующая весьма многое. Мы живем в городе, разительно не похожем на прежнюю Москву.

Политический смысл Москвы уходит корнями в ее метафизику. Один из примеров утраты этого смысла связан с планами по переносу здания Государственной думы. Пространство от Боровицкой до Лубянской площади, на которое выходит Дума, – топографический аналог римского Форума. Например, Боровицкая площадь лежит между двумя холмами. Один из них – холм Кремля, то есть императорский холм, аналог Палатина. Второй – Ваганьковский, патрицианский холм Арбата, который увенчан домом Пашкова и, на мой

взгляд, является аналогом Капитолия. Вообще, аналогия в категориях римской топографии – принятый градovedческий подход. Капитолий, Палатин, Форум, Авентин – их когда-то помнили в Москве, понимают в Вашингтоне, знают в самых разных местах.

Так вот, нынешняя Государственная дума оказалась соседкой прежнего Дворянского собрания с его Колонным залом – в Москве как дворянской республике это был аналог палаты лордов. А вы помните, что Сенатская Курия как раз и была расположена на Форуме, у подножия Капитолийского и Квиринальского холмов. Так что в градovedческих категориях наш парламент расположен правильно. И вот было задумано новое парламентское здание на мокром лугу в Нижних Мневниках. С переносом здания Думы на мокрый луг, то есть на антихолм, ниже уреза воды, произошел бы смысловой оползень в никуда.

Но многие импульсы развития Москвы, в том числе властные, бессознательно «впадают» в старые стратегии. Вспомним о проекте перенести Кремль, то есть власть, в совхоз «Коммунарка», который находится в Новой Москве. Когда город просто удваивается, это только выброс его периферийной энергии вовне; но если на возникающую вторую территорию выносятся «кремль», это уже деление города в ядре. А двоение города восходит к изначальной московской мизансцене – к выбору из двух холмов, Боровицкого (Кремлевского) и Ваганьковского, где стоит дом Пашкова. Это еще до-политическая, географическая ситуация выбора.

Вынос властных функций из Кремля – метафизическая тема, восходящая к сюжету опричнины. Когда Грозный бежит на Опричный двор, который был на месте нынешнего журфака, – он бежит на «второй холм», чтобы повернуться против «первого холма». До него так же поступил Василий Темный, встав на Ваганьковском дворе – то есть загородном дворе своей матери, как раз на месте будущего дома Пашкова. Шла династическая война с Шемякой, и вернувшийся из казанского плена Василий должен был понять, кто же сидит в Кремле.

Вынесение «кремля» из Кремля – драматическая константа в истории Москвы. Сегодня – совхоз «Коммунарка», а когда-то – «Опричный двор» или позже – «Немецкая слобода». В том же ряду стоит пример, когда Патриарх Никон повел себя как развенчанный госу-

Рустам Рахматуллин:

«ВЫНОС ВЛАСТНЫХ
ФУНКЦИЙ ИЗ КРЕМЛЯ -
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ТЕМА,
ВОСХОДЯЩАЯ К СЮЖЕТУ
ОПРИЧНИНЫ.»

дарь. Создавал свою «опричнину» в Новом Иерусалиме. И подобно Грозному ждал депутацию, чтобы вернуться в Москву на новых условиях.

В тот же след много позднее ступил Лужков, когда возводил сверхвысотный Сити, имея в виду перенести туда органы московской власти. То есть противопоставить старому Кремлю – кремль небоскребов. То же самое «двоение» мы наблюдали в эпизодах противостояния Кремля и Белого дома, и неважно, какие флаги развивались над этими цитаделями. Кстати, Сити – географическое продолжение Белого дома.

Москва – это сложность, и важно, в каком числе измерений мы способны эту сложность мыслить. От этого зависит возможность обсуждать градостроительные решения по существу. Например, анонсированный памятник князю Владимиру на Боровицкой площади ни по имени, ни по решению, ни по масштабу не имеет отношения ни к пространству Форума между Капитолием и Палатином, если говорить в римских терминах, ни к полемике Кремля и Ваганьковского холма, говоря в терминах нашей истории. Это просто посторонний сюжет.

Но обсуждать его на смысловом уровне оказалось не кем. Вместо разговора о художественности, градостроении и сложности городского пространства начался спор о личности святого Владимира. Проблема стала выглядеть как столкновение невежества с несправедливостью. Инициаторы получили возможность защищать Владимира от невежества, как будто новая, еще не существующая скульптура – иконный образ, а не задуманное художественное произведение, которое положено защищать на художественных советах.

А невежественным пришлось рассказывать, что почитание святого Владимира установилось в Москве не позже 1427 года, когда упоминается церковь Владимира в Садах при государевом загородном дворце. Вероятно, почитание было связано с именем князя Владимира Храброго, который незадолго до того скончался, но долгие годы был вторым лицом в государстве. Сам же святой Владимир правил будущей московской землей как Ростовской, когда сажал на ростовское княжение сначала Ярослава, будущего Мудрого, потом святого Бориса.

Наблюдая за тем, как от эпохи к эпохе убывают смыслы, я считаю средневековую Москву гораз-

Рустам Рахматуллин:

«МОСКВА - ЭТО СЛОЖНОСТЬ, И ВАЖНО, В КАКОМ ЧИСЛЕ ИЗМЕРЕНИЙ МЫ СПОСОБНЫ ЭТУ СЛОЖНОСТЬ МЫСЛИТЬ. ОТ ЭТОГО ЗАВИСИТ ВОЗМОЖНОСТЬ ОБСУЖДАТЬ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ПО СУЩЕСТВУ.»

до более осмысленным организмом, чем Москву Нового времени. А Москву Нового времени – гораздо более осмысленным, чем Москву Новейшего времени. Возьмем «шествие на ослиати» – московское действо в праздник Входа Господня в Иерусалим. Это такая глубина смысла, которую сейчас и сравнить-то не с чем.

Шествие позиционировало Кремль и Китай-город, разделенные рвом, пролежавшим через Красную площадь, как стороны Иерусалима. Огражденный Иерусалим отделен Кедронской долиной от священного предградия – горы Елеон. Шествие было воспоминанием о первом пришествии Христа и одновременно – чаением Его второго пришествия. «На ослиати» означало на белом коне, но конь был в ослиной маске. Глава церкви, восседавший на нем живой иконой Спасителя, двигался словно на ослике – и в то же время на белом коне. В едином образе обозначался и Вход Господень, совершившийся в историческом Иерусалиме, и будущий Царский вход.

Поразительно, что на картине Сурикова «Утро стрелецкой казни» на белого коня взобрался царь Петр. В «шествиях на ослиати» царь вел коня в поводу, в образе самого себя, то есть царя земного, конюшего Господа. Получается, что Суриков увидел Петра глазами стрельцов, полагавших, что из европейского посольства вернулся подмененный государь, кандидат в антихристы. Он взобрался «на ослиати», узурпировав место Патриарха. Сознал ли это художник? Настоящая метафизика была бы, если бы Суриков написал это, не сознавая. Вскоре после событий, запечатленных Суриковым, умирает Патриарх Адриан, и «шествия на ослиати» прекращаются вместе с патриаршеством.

Вслед за этим произошла петровская подмена имперских мотивов. Петру перестало даваться сакральное движение в направлении Константинополя. Действительно, как двигаться к Константинополю, когда у тебя дома «всепьянейший собор», «всешутейший патриарх» и прочие мерзости? Более успешно Петр двигался в направлении Прибалтики, то есть в западно-европейское пространство, занижая тем самым мотивы имперского движения, опуская его с уровня сакрального на уровень, так скажем, геостратегический. На векторе этого движения появился Санкт-Петербург.

Рустам Рахматуллин:

«ПЕТРУ ПЕРЕСТАЛО ДАВАТЬСЯ САКРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАПРАВЛЕНИИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, КАК ДВИГАТЬСЯ К КОНСТАНТИНОПОЛЮ, КОГДА У ТЕБЯ ДОМА «ВСЕПЬЯНЕЙШИЙ СОБОР», «ВСЕШУТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ» И ПРОЧИЕ МЕРЗОСТИ?»

Это все, конечно, убывание смыслов. Обмирщенная империя XVIII – XIX веков – совсем не то, что империя, построенная Иваном III. Да, именно он создал империю, хотя даже не назывался царем.

Советский период перекодировал и переворачивал московские смыслы. За несколько недель до переезда в Москву советского правительства было восстановлено патриаршество. Восстановлено с московской титулатурой, тем самым укрепило столичную функцию Москвы.

В остальном средневековые смыслы перевернулись. «Шествие на осляти» определяло Красную площадь как Иосафатову долину, Алевизов ров – как Кедронский поток. Это – долина воскресения из мертвых в Иерусалиме. В представлении разных мировых традиций там начнется восстание из мертвых в конце времен. В Иосафатовой долине находится главнейший иерусалимский некрополь.

Посмотрим с этой точки зрения на революционный некрополь и сам Мавзолей у кремлевской стены. Щусев был очень глубоким архитектором. Понимал он или нет, но в Мавзолее демонически, негативно – с обращением белого в черное, черное в белое – воплотилась забытая матрица Кедронской долины в Москве. Но и это – своеобразное доказательство от противного метафизики Красной площади как места последних времен.

Честный взгляд из космоса на планы великих городов покажет вам, что Москва – самый идеальный город из всех мыслимых городов. Радиально-кольцевая структура, а не квадратно-гнездовая, ближе всего к идеалу. Недаром существуют фантазии, что эти круги завещал нам Аристотель Фиораванти за сто лет до их реального воплощения в виде городских стен.

И все же я считаю Москву городом незаконченным и недо воплощенным – проекцией «иной» Москвы. Есть другая Москва на вертикали мира. Не считаю римские аналогии доказательством подражания Риму. Люди не передавали друг другу на ухо секрет такого «уподобления». Типологическое сходство можно объяснить только воплощением двух проекций одного праобраза.

Воплощение Москвы – это процесс угадывания, проектирования праобраза, о котором мы мало что знаем наверняка. Такое видение – самое сложное и для архитектора, и для градостроителя. Это невысказанная сложность, которая сопряжена с личной верой и открыто-

Рустам Рахматуллин:

«ЧЕСТНЫЙ ВЗГЛЯД ИЗ КОСМОСА НА ПЛАНЫ ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ ПОКАЖЕТ ВАМ, ЧТО МОСКВА – САМЫЙ ИДЕАЛЬНЫЙ ГОРОД ИЗ ВСЕХ МЫСЛИМЫХ ГОРОДОВ.»

Рустам Рахматуллин:

«И, КОНЕЧНО, СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ОСТАНЕТСЯ НЕДОСТИЖИМЫМ ИДЕАЛОМ, ИДЕАЛОМ ЦЕЛОСТНОГО СОЗНАНИЯ. Я БЫ ОПРЕДЕЛИЛ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ЭПОХУ ВСЕОБЩЕЙ И СВОБОДНОЙ ОРТОДОКСИИ, ЗДЕСЬ ОБА СЛОВА ОДИНАКОВО ВАЖНЫ.»

стью каналов восприятия. Но и в таком случае еще ничего не гарантировано.

И, конечно, Средневековье останется недостижимым идеалом, идеалом целостного сознания. Я бы определил Средневековье как эпоху всеобщей и свободной ортодоксии, здесь оба слова одинаково важны. Самостоятельно человеческое сообщество не могло бы достичь этого состояния. Это действие чуда, которое длилось веками. Его можно чаять, но его нельзя сконструировать.

Как вписываются в метафизику Москвы такие районы как Бутово, Алтуфьево, Бирюлево? Мы можем поискать расширенные проекции изначальной московской мизансцены. Попробовать понять, как опозиция двух холмов по берегам Неглинной проецируется на новый масштаб с ростом города, с переносом его границы. Когда, например, в роли Неглинной – уже излучина реки Москвы, а в роли «второго», Ваганьковского холма – Воробьевы горы.

В своей второй книге («Облюбование Москвы») я расчертил Москву на четыре четверти – Северо-Запад, Юго-Запад, Северо-Восток и Юго-Восток. Они маркируются и окрашиваются по-разному. Не буду сейчас объяснять, каким образом это все проверяется, но московское мироустройство – это мироустройство по четвертям. И эти четверти ориентированы на промежуточные стороны света.

Эта закономерность распространяется, на мой взгляд, на всю Русь, как она видна из Москвы. Нет Севера, Востока, Юга и Запада. Есть Северо-Запад, Юго-Запад, Северо-Восток, и Юго-Восток. Взяв это за основу, мы можем попытаться мыслить о периферии любой удаленности. Серпуховский удел Вадима Андреевича Храброго будет ближним Юго-Западом, за которым будет стоять Юго-Запад черниговский. Удел Коломенский, удел великого князя или старшего наследника в XIV веке, будет ближним Юго-Востоком, за которым стоит Юго-Восток рязанский, а за ним ордынский. И так далее.

Что бы я сделал, если бы смотрел на город как мэ́р? Первое – понять, где начинается компетенция города. К примеру, Красная площадь – сегодня не городская территория, она не входит в перечень пешеходных улиц. На ней ставят какой-нибудь «чемодан» или заливают каток по согласованию с Управлением делами Пре-

зидента. Александровский сад вырубают или насаждают, устанавливают там изваяния – без участия мэрии.

Если компетенция Москвы начинается за плацдармом Кремля, мы возвращаемся к тому, что Кремль – замок. Административное преодоление такого положения вещей состоит для начала в том, чтобы в указе Ельцина запись «резиденцией Президента Российской Федерации является Московский Кремль» заменить на редакцию «резиденция Президента Российской Федерации находится в Московском Кремле». Это формула, превращающая замок в город. К слову, серия поручений Президента сейчас посвящена большей открытости Кремля.

Аккумулировать градостроительные смыслы в их полноте, на мой взгляд, невозможно без геополитической последовательности, то есть последовательности цивилизационного выбора. Как матрешка входит в матрешку, так при устройении города меньшее должно входить в большее.

Кто мы, каков наш выбор? Если мы – Новый Рим и согласны с этим, то мы отвечаем за восточно-христианскую ойкумену. Сейчас мы действуем так в Сирии, но не действуем где-либо еще. Если мы понимаем себя как центр восточно-христианской ойкумены, то есть Третий Рим, Второй Константинополь, – мы строим город, исходя из этой мысли. Мы определенные вещи в нем проявляем и культивируем, а что-то провозглашаем диссонирующим.

Если мы понимаем, кто мы на Кавказе, то вспоминаем, что в подклети Донского монастыря похоронен Арчил II Багратиони, а палаты Аптекарского приказа представляют собой часть дворца Вахтанга VI Багратиони – вспоминаем этих двух царей в изгнании. Если мы понимаем, кто мы в Молдавии и Валахии, то иначе относимся к наследию Кантемира. И не разбиваем клумбу с лавкой на месте взорванного собора Николо-греческого монастыря на Никольской улице, откуда румынское посольство в 1930-е годы смогло вывезти прах Дмитрия Константиновича Кантемира, но не вывезло прах Антиоха Кантемира, потому что Антиох им был никто.

Все это так, если мы новый Константинополь. А если мы новый Вавилон, то будем городить башни Сити, которые едва удалось «понизить» вдвое, с шестисот метров до трехсот. ■

Рустам Рахматуллин:

«ЕСЛИ КОМПЕТЕНЦИЯ
МОСКВЫ НАЧИНАЕТСЯ
ЗА ПЛАЦДАРМОМ КРЕМ-
ЛЯ, МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ
К ТОМУ, ЧТО КРЕМЛЬ -
ЗАМОК.»

История национальных заимствований в архитектуре

**Лев Масиель
Санчес,**

доцент факультета
гуманитарных наук
ВШЭ

Что, на ваш взгляд, определяет лицо нашей архитектуры именно как русской?

Думаю, что нет ни одной национальной архитектуры, лицо которой было бы определено на веки вечные, потому что всё и всегда развивается и меняется. Мне кажутся малообоснованными различные цивилизационные теории, постулирующие наличие некоего неизменного ядра или, положим, «кода». Цивилизации все время меняются и во времени и в пространстве, часто очень трудно понять, где заканчивается одна и начинается другая.

Современные цивилизации родились, в основном, на рубеже античности и средних веков. Единственная возникшая в более древнюю эпоху – Китай. Там, как мне кажется, существует очевидная преемственность языка и культуры, нет четкого перерыва. В Индии ощутим разрыв, связанный с мусульманским завоеванием. Цивилизации Южной Индии и Юго-Восточной Азии формируются в раннее Средневековье. Есть античная греко-римская цивилизация, Римская империя, на руинах которой возникают три новых: западно-европейская, византийская и исламская. Каждая из них по-своему наследует Риму, и ни одна не является его безусловным прямым продолжением. Происходит огромный слом, я бы сказал, чисто материальный, когда все летит вдребезги: радикально уменьшается население, страны беднеют, забываются языки. Даже

если государственность сохраняется, как в случае преемственности Римской и Византийской империй, все равно теряется язык: латынь сменяется греческим.

Если мы беремся искать национальные черты, выясняется, что русское в один период времени является совершенно не тем, чем в другой. Мы можем утверждать, чем древнерусская архитектура отличается от византийской или любой другой, но я бы не сказал, что эти отличия будут носить одинаковый характер в другие периоды.

Разве нельзя посмотреть, что продолжается сквозь все исторические периоды, несмотря на все их особенности? Ведь это не обязательно конкретные архитектурные детали. Может быть, это такие вещи, как отношение к внутреннему и внешнему пространству.

Важно понимать, что говорить об особенностях можно только тогда, когда у нас очень много памятников и есть что с чем сравнивать. Когда у нас не более десятка сохранившихся памятников от целого периода, как, например, от раннемосковского периода (первая половина XV века), то вообще что-либо сопоставлять довольно трудно. Слишком мало материала для того, чтобы делать обобщения, если подходить с научной точки зрения.

Если обобщить историю русской архитектуры, то первым делом нужно выделить домонгольский период – порядка 200 лет, – в который строили относительно много. Я бы сказал, что тогда был создан провинциальный вариант византийской архитектуры, который, в первую очередь, характеризуется увеличением размеров строений: большая новая страна требует вместительных храмов. Наши особенности начинаются с Софии Киевской – это храм беспрецедентного размера для Византии того времени, поэтому его пришлось усложнить. Средний размер русского храма в начальный период заметно больше, чем у современного ему храма в Византии.

Византийские техники, использовавшиеся в тот период, не были приспособлены к перекрытию огромных пространств огромным куполом, как это было при Юстиниане в Софии Константинопольской. Поэтому в Киеве большой храм пришлось загромоздить кучей опор. К тому же вместо легких колонн были использованы громоздкие кирпичные столбы. Вместо византийского строения, где глаз начинает кружить

Лев Масиель Санчес:

«Я БЫ СКАЗАЛ, ЧТО ТОГДА БЫЛ СОЗДАН ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ, КОТОРЫЙ, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ, ХАРАКТЕРИЗУЕТСЯ УВЕЛИЧЕНИЕМ РАЗМЕРОВ СТРОЕНИЙ: БОЛЬШАЯ НОВАЯ СТРАНА ТРЕБУЕТ ВМЕСТИТЕЛЬНЫХ ХРАМОВ.»

Лев Масиель Санчес:

«В РЕЗУЛЬТАТЕ К НАМ ПРИХОДИТ ОЧЕНЬ СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ВИД ВИЗАНТИЙСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ - ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ. КОЛОННА ЗАМЕНЯЕТСЯ МАССИВОМ, СТОЛБОМ, КОТОРЫЙ СОВЕРШЕННО ИЗМЕНЯЕТ ВНУТРЕННЕЕ ПРОСТРАНСТВО ХРАМА.»

ся вокруг тонкого мрамора и сразу видит все относительно небольшое пространство, в русском храме пространство разгорожено столбами. Ведь у нас не было ни мрамора, ни античных построек, из которых можно было бы выламывать готовые колонны, как в Византии.

В результате к нам приходит очень специфический вид византийской архитектуры – провинциальный. Колонна заменяется массивом, столбом, который совершенно изменяет внутреннее пространство храма. Вы входите в русский храм и сразу видите два столба, но не видите того, что за ними. Обозрим только центральный кусок алтарной преграды. Византийский храм обозрим сразу, это психологически совершенно другое ощущение пространства, что очень важно. В итоге получился некий лес. Наверное, можно было бы сказать, что такой образ пространства оказался близок русским, ибо они живут в лесу. Но вряд ли можно считать подобного рода высказывания научными. Очевидно, что этот эффект возник из чисто практических требований.

Вы, наверное, скептически относитесь к спекуляциям о том, что душа народа отражается в пластике различных форм. Луковичный стиль куполов, размышлял, к примеру, Трубецкой, это как бы горение русской души, свечи. Русский человек тянется вверх, это отражается в куполе храма. Такая метафоричность вам чужда?

Мне кажется, что понятие изучения (а я действую в научной сфере) не может иметь другой цели, кроме как свести все к рациональности. Оно должно учитывать все моменты в поведении людей, безусловно, в том числе и иррациональное. Но в то же время не ясно, как можно через архитектуру определить душу народа. Можно определить вкус тех, кто заказывает храм. Если из раза в раз строят храмы определенного типа, разумеется, они заказчикам нравятся. Выражается ли здесь душа народа? Или она не выражается?

Кто является создателем архитектурных форм? В узком смысле это только заказчик, например, князь или глава монастыря. Дальше – подрядчик, которого нанял заказчик и который ищет мастеров для выполнения заказа. Может присутствовать фигура, отчасти напоминающая архитектора, но очень часто сам подрядчик и является «архитектором». Потом за работу

берутся мастера, которых подрядчик пригласил. Кто же создатель? Чей вкус выражают постройки?

Позиция «марксистская» гласит, что они выражают вкус «феодалной верхушки». Такая точка зрения возникла в середине XIX века и была раскручена в советское время: есть истинная, подлинная, народная деревянная архитектура, созданная простыми мужиками; а то, что напридумывали какие-то греческие епископы или офранцузившиеся дворяне, – это не совсем русское. С другой стороны, все русские мужики ходят в храмы. Когда они делают деревянные храмы, они стараются сделать так же, как у барина, князя или епископа. Просто потому, что это больше и красивее, чем то, что у них. Потому что придворная культура всегда является ориентиром, кроме особых периодов слома, когда она по каким-то причинам принципиально отвергается; но это уникальная ситуация революций.

Разумеется, нельзя настаивать на том, что познание, научный способ – единственный способ понимания окружающего мира. Но мне кажется, что рассуждения о душе народа и ее воплощениях несовместимы с научным представлением о мире.

В вашем понимании то, что мы называем русской архитектурой – это некие трансформации привнесенных форм под влиянием местных обстоятельств? Не было в наличии, к примеру, античных колонн, работали другие строительные факторы?

Мне кажется, все, что является национальным, – это всегда сочетание случайностей. Просто одни из привнесенных строений нравятся и их повторяют, другие нет. В XVI веке в Россию приехали итальянцы, построили много разных церквей, например шатровую церковь в Коломенском. Дальше, видимо, лет двадцать никто ничего подобного не делал, а потом в соборе Покрова на Рву (Василия Блаженного) это было повторено, и потом уже стало повторяться регулярно. Привыкли.

Есть, наверно, другая ипостась того же взгляда. Культура задает некий способ мышления, который порождает определенные формы. Может быть, они все и не восхищались этим лесом, но они его воспроизводили.

Человеческое творчество связано не только с идеями и замыслами, а еще и с работой руками, со многими привычками. Воплощение любой идеи человека, который вырос в определенной среде, будет во многом определяться тем, что он просто привык так видеть.

Лев Масиель Санчес:

«С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ВСЕ РУССКИЕ МУЖИКИ ХОДЯТ В ХРАМЫ. КОГДА ОНИ ДЕЛАЮТ ДЕРЕВЯННЫЕ ХРАМЫ, ОНИ СТАРАЮТСЯ СДЕЛАТЬ ТАК ЖЕ, КАК У БАРИНА, КНЯЗЯ ИЛИ ЕПИСКОПА. ПРОСТО ПОТОМУ, ЧТО ЭТО БОЛЬШЕ И КРАСИВЕЕ, ЧЕМ ТО, ЧТО У НИХ.»

Мы живем в России, и как только начинаем не прямо копировать Палладио, а работать в его духе, сразу получается что-то русское, именно потому, что есть привычка видеть вокруг объекты другого типа.

В этом смысле, безусловно, существует национальная архитектура, но не как выражение какого-то духа, а как совместный долговременный визуальный опыт. Если люди всю жизнь видят солнце, всходящее и заходящее низко над лесом, если они видят темные стволы, то мы вправе говорить о том, что определенный образ может быть им близок. Другой вопрос, как они понимают этот образ. Вряд ли они сознательно стали бы уподоблять храм лесу. Но если столбы в храме оказались стоящими близко друг к другу и в таком пространстве прихожанам не тесно – это потому, что у них есть опыт жизни в лесу.

Можно ли называть случайным фактором предпочтения заказчика? Если я правильно понимаю, архитектура не может выражать душу народную, потому что не было на тот момент механизмов взаимодействия с общественностью, с ней никто не советовался. Максимум, что могла общественность – это не ходить в храм, если он категорически не нравился. И то вряд ли бы она на это решилась. Скорее сейчас архитектура выражает душу народа, потому что есть активисты, общественные движения, настаивающие на своей позиции по архитектурным вопросам.

Лев Масиель Санчес:

«Если я правильно понимаю, архитектура не может выражать душу народную, потому что не было на тот момент механизмов взаимодействия с общественностью, с ней никто не советовался.»

Она сегодня выражает некое, я бы говорил осторожное, мнение заинтересованной части общества. Но ведь тогда было то же самое. Я бы не стал говорить, что моя теория элитаристская, потому что я принципиально не разделяю элиту и народ. Предположим, разные князья строят три разных храма. Из них для воспроизведения в дереве народный сход в каком-то селе выберет именно тот, который им нравится. Вот тут и происходит отбор. Когда мы говорим, что у народа есть общая душа и мнение, мы лишаем свободы воли каждого из отдельных участников народного схода. В одном селе они могут собраться и захотеть вот так, а в другом могут захотеть не так.

Откуда же вообще берется представление о «национальной культуре» как общности взглядов и ценностей?

Одновременно с возникновением славянофильства в России начинаются поиски исконно народного во

Франции, в Скандинавии. Это общеевропейский путь. Есть ситуации, когда создается новая национальная идея. В архитектуре это время модерна: конец XIX – начало XX веков. Когда Финляндии нужно было отстроиться от Швеции и России и создать что-то свое, они обратились к избам Карелии, но прежде всего к образам природы: животным, валунам, сказочным персонажам. Возник изысканный стиль, который в России некоторые презрительно называли «чухонский модерн», но который при этом оказал заметное влияние на неорусский стиль. Таким образом, в случае Финляндии стиль создали не столько из архитектуры, сколько из образа природы страны.

Но на протяжении средних веков, до XVIII века работают механизмы более простые. Кто богаче, тот строит лучше, а главное – долговечнее. Почему, собственно, камень? Потому что он долговечнее, он не гниет и не горит, поэтому у него более высокий статус. Я занимался Сибирью, весь ее XVIII век изучил в подробностях. Дерево очень постепенно и логично вытесняется камнем. Сначала решается вопрос самого статусного объекта – монастырского и городского соборного храма. Пока их не построят, в городских приходах и селах в камне строить не начинают. Но к середине XIX века в каждом крупном селе уже есть каменный храм.

Мы слишком быстро перешли от домонгольского времени к XIX веку. Была ведь и русская архитектура Московской Руси, к которой обращается упомянутый неорусский стиль. Что в ней собственно русского?

К русскому в архитектуре можно отнести тип храма. Трудно говорить про русское до XVI века. Художественная связь между Москвой и Новгородом в XV веке невелика, это совершенно разные традиции. Можно говорить о том, что есть некая новгородско-псковская архитектура и что-то, что теплится на руинах Владимиро-Суздальской Руси после Батые при очень скромном объеме строительства. Ведь о постройках центральных земель XIV века мы почти ничего не знаем. В 1330 году впервые строится каменный собор в Москве, но от него ничего не осталось...

А вот в следующий период – конец XV и XVI век – возникает главный образец для последующего храмо-строения – большой пятиглавый собор. Это элитарный заказ – Успенский собор в Московском Кремле. Для его

Лев Масиель Санчес:

«НО НА ПРОТЯЖЕНИИ
СРЕДНИХ ВЕКОВ, ДО
XVIII ВЕКА РАБОТАЮТ
МЕХАНИЗМЫ БОЛЕЕ ПРО-
СТЫЕ. КТО БОГАЧЕ, ТОТ
СТРОИТ ЛУЧШЕ, А ГЛАВНОЕ
– ДОЛГОВЕЧНЕЕ.»

строительства пригласили псковитян, потому что они были единственные, кто тогда на Руси много строил в камне. Напомню, что в Московском княжестве в середине XV века была гражданская война, соответственно, практически никакого строительства в центральной России не было. Но доведенный псковитянами до сводов храм разваливается на глазах у всех: у них не было опыта строительства столь больших зданий.

Пришлось искать мастеров в других странах. Благодаря браку Ивана III с жившей при папском дворе Зоей Палеолог обращаются в Италию. Находят Аристотеля Фиораванти, которому дают специальное задание – сделать в Москве что-то подобное Успенскому собору во Владимире. Он создает очень ренессансный храм, кое в чем византийский, но одновременно похожий на тот, на который ему указали. Архитектор, с одной стороны, построил здание, которое ему казалось модным и современным, указал на образец и подчеркнул некую связь с Византией, как я понимаю. Храм оказался настолько удачным, что его стали повторять. Русский пятиглавый храм стал таким потому, что таким был построен Успенский собор. А он стал таким, потому что копировал Владимирский собор.

Никого не интересовало, есть ли какая-то символика у этих пяти глав. Почему владимирский образец пятиглавый? Потому что его расширили один раз, и нужно было поставить дополнительные главы. Князь Всеволод, который видел, как это делалось в Византии, избрал специфический тип пятиглавого храма. И вот этот собор оказался востребованным только в конце XV века, через 300 лет после завершения. А архитектурная символика обычно придумывается позднее. Сначала возникают формы, потом люди начинают думать, а не значат ли они что-нибудь? И возникают легенды, что главный купол – Христос, боковые – евангелисты, или что-то в этом роде.

Все очень любят подражать. Сделать дачу, как у богатого соседа, сделать храм, как в столице Византии. Очень важно в архитектуре видеть именно эту ориентацию на конкретное здание. Не на идею или символ, а на конкретный образ. При этом такой образ сам по себе может быть символичным. Московский Успенский собор – символ Владимирского Успенского собора и, соответственно, символ сакральной связи Москвы с Владимиром и далее с Киевом.

Лев Масиель Санчес:

«А АРХИТЕКТУРНАЯ СИМВОЛИКА ОБЫЧНО ПРИДУМЫВАЕТСЯ ПОЗДНЕЕ. СНАЧАЛА ВОЗНИКАЮТ ФОРМЫ, ПОТОМ ЛЮДИ НАЧИНАЮТ ДУМАТЬ, А НЕ ЗНАЧАТ ЛИ ОНИ ЧТО-НИБУДЬ? И ВОЗНИКАЮТ ЛЕГЕНДЫ, ЧТО ГЛАВНЫЙ КУПОЛ - ХРИСТОС, БОКОВЫЕ - ЕВАНГЕЛИСТЫ, ИЛИ ЧТО-ТО В ЭТОМ РОДЕ.»

Ваш подход к исследованиям предполагает сравнение разных архитектур друг с другом. В таком ракурсе русская архитектура плоха или хороша?

Русская архитектура вовсе не плоха. Конечно, она не уделяет большого внимания деталям, но это отчасти проблема того, что до XIX века она была больше чем на 90% деревянной. В дереве не очень хорошо получают архитектурные детали – проще вместо них вообще делать отдельные резные доски и помещать на здание, но это фактически не архитектурные, а живописные средства. Это выработало общее невнимание к деталям, которое в принципе свойственно многим сферам русской культуры. Русские склонны много внимания уделять сути явления и мало интересоваться частностями. Русская архитектура гораздо менее изобретательна, чем, например, итальянская. Но с итальянской архитектурой вообще никакую другую сравнить нельзя, тем более что ее история значительно более долгая.

А в чем, с вашей точки зрения, основная идея русской архитектуры?

Я бы стал говорить не про идею, а про образ. Какая у архитектуры может быть идея? Образ – это вот да. Думаю, все идет от пейзажа и географии, как ни странно. Все-таки именно архитектура с ними тесно связана, как мало какая другая область человеческой деятельности. Это точка зрения середины XIX века, но, на мой взгляд, по сути она справедлива. Когда я смотрю на русскую архитектуру разного времени, мне представляется, что она отражает макушки елочек, которые выразительно торчат над лесом.

Русская архитектура предполагает постройки, которые возвышаются над своим окружением. Любое значимое здание должно обязательно возвышаться. Оно не растягивается в ширину, как это происходит в Англии. Оно торчит вверх и должно быть обозримым с дальних точек. Понятно, что в русскую архитектуру, как и в любую другую, постоянно приходят новые формы. Но у нас лучше всего приживаются те, что соответствуют этой тенденции. Тяга к вертикализму – русская черта.

То есть все-таки можно говорить просто о русской архитектуре в ее единстве как о национальном явлении?

Просто каждый раз под ней надо подразумевать разное. В ранний момент мы понимаем, что это неотъемлемая часть великой византийской культуры, но од-

Лев Масиель Санчес:

«Я БЫ СТАЛ ГОВОРИТЬ НЕ ПРО ИДЕЮ, А ПРО ОБРАЗ. КАКАЯ У АРХИТЕКТУРЫ МОЖЕТ БЫТЬ ИДЕЯ? ОБРАЗ – ЭТО ВОТ ДА. ДУМАЮ, ВСЕ ИДЕТ ОТ ПЕЙЗАЖА И ГЕОГРАФИИ, КАК НИ СТРАННО.»

Лев Масиель Санчес:

«АРХИТЕКТУРА В ЭТОМ СМЫСЛЕ ВСЕГДА НАЦИОНАЛЬНЕЕ ЖИВОПИСИ, ПОТОМУ ЧТО ЖИВОПИСЬ ПЕРЕВОЗИЛИ, А ЗДАНИЯ НЕТ.»

новременно она имеет национальные русские черты. Про живопись мы такого даже сказать не можем. В домонгольской иконописи видят те же течения, которые были в Византии. Слишком тесный мир, слишком завязан на Константинополь.

Архитектура в этом смысле всегда национальнее живописи, потому что живопись перевозили, а здания нет. Легко привезти художника, строительных мастеров перевезти сложнее, потому что их нужно много. Декор можно по образцу делать, его легко нарисовать, но все равно он трансформируется. Декор – очень удобный признак для определения. Но и тут не надо делить жестко: мол, завиточек одной формы – это не национально, другой – национально. Можно сказать, что декор характерен для Москвы такого-то времени, для Новгорода и так далее.

А что вы скажете о таком аспекте русской архитектуры, как визуальная гармоничность, вписанность в окружающее пространство, природный ландшафт?

Этот аспект очень трудно проверяем, чтобы его почувствовать, нужно иметь достоверную реконструкцию облика всего городского поселения. Очевидно, что в России поселения менее скучены, чем, положим, в Италии. В России много места, поселения крупные, хотя тесная застройка тоже встречалась.

В России изначально была сильна роль политической власти, которая объединяет и решает. Соответственно, она и строила огромные храмы, которые при этом очень сильно доминировали над низкой застройкой. Это то, что так эффектно и красиво, особенно на Русском Севере. Низкие избы и огромный белый храм. Об этом можно говорить как о национальной черте, но это чисто природная черта, связанная с безграничностью пространства.

Надо говорить о конкретной типологии. Типы – это выработанные в конце XV – XVI вв. пятикупольные и шатровые храмы. В первую очередь, пятикупольные. Стоит отметить в целом малую роль декора. Кроме специальных идей, заказов, таких как собор Василия Блаженного, где перегрузка декором была специальной, как считается, для обозначения его как Небесного Иерусалима, ни один храм того времени не имеет богатого декора. Это очень в духе Ренессанса, он сосредоточен на небольших фрагментах.

Более того, итальянские формы очень популярны, например, при Борисе Годунове они становятся модой при том, что никакие итальянцы здесь уже не работают, это чисто русские произведения. Но архитектура эпохи Бориса Годунова, наверно, самая изысканная в XVI веке по качеству. Это небольшой круг построек, но они очень красивые. Обнаруживается специальный интерес заказчиков к итальянским формам, которые они просто берут из предыдущих русских храмов. Начинают еще лучше выделяться карнизы, пилястры, почти ордерные формы. Я бы сказал, что это такой период, когда русская архитектура имеет очень определенный облик итальянского Ренессанса, но с очень специфическими типами зданий. Один из этих типов определен Византией.

Касательно происхождения шатровых храмов есть очень много теорий, но мне нравится идея Андрея Леонидовича Баталова, высказанная как гипотеза, но с определенными обоснованиями: это был специальный заказ царя Василия III на строительство храма, уподобленного храму Гроба Господня.

Шатер скопирован из Италии?

Из Италии скопирован храм в Коломенском. А потом это оказалось очень востребованным и везде воспроизводилось. В данном случае я выбираю такую гипотезу, потому что самый старый шатровый датированный памятник – это Коломенское. Нет ни одной деревянной или каменной церкви, которую мы бы точно датировали раньше, и она бы была шатровой.

То есть были заимствования, влияния, их было много, а затем на местной почве сформировались особые, своеобразные формы. Они обладали узнаваемыми чертами, в них была устойчивость, позволяющая говорить об особом стиле.

Интересно, что именно в русской архитектуре эти формы особенно часто менялись. Уловить, в чем русскость, сложнее именно потому, что в русской архитектуре были очень серьезные перерывы. Русская архитектура часто попадала в ситуацию отсутствия строительных кадров, когда приходилось приглашать зарубежных мастеров. Не из-за моды, а потому, что нужны были те, кто умеет строить.

Например, состояние скудости, в котором пребывает русская архитектура после Смуты, в 1620-е годы, иллюстрирует церковь Покрова в Рубцове. Она весьма

Лев Масиель Санчес:

«ИЗ ИТАЛИИ СКОПИРОВАН ХРАМ В КОЛОМЕНСКОМ. А ПОТОМ ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ОЧЕНЬ ВОСТРЕБОВАННЫМ И ВЕЗДЕ ВОСПРОИЗВОДИЛОСЬ.»

интересна как артефакт, но очень плохо сделана, просто из рук вон плохо, потому что некому тогда было хорошо делать. Опять вызывают западных мастеров, чьи работы во многом определяют формы «узорочья», которое в XIX веке было провозглашено самым народным и уникально русским стилем. Но он весь создан из каких-то образцов с Востока и из Европы. Спасскую башню, например, надстраивают англичане.

Что важно – западноевропейцы.

Да, протестанты. С другой стороны, есть церковь Троицы в Никитниках. Ее портал сделан просто по персидским тканям, которыми была наводнена Оружейная палата в Кремле. Западные ученые XIX века много писали про то, какая русская архитектура XVII века пестрая, восточная и т.д. Но у нас нет четких доказательств влияния на нее чего-то конкретно восточного, кроме отдельных орнаментов.

И все же в итоге архитектура – элитарна или народна?

Скорее она элитарна. Просто потому, что ее производство дорого. К тому же она не столько ориентирована на вкус потребителя, сколько на воздействие на него. Архитектура от вкуса населения вообще никак не зависит. Даже если в стране царит демократия, а постройка получилась не очень удачной, вы едва ли проиграте выборы по этой причине. А если в стране авторитарный режим, тогда архитектура становится прямым проводником его идеалов. В этом смысле она, безусловно, в целом более элитарна.

И как тогда архитектура может быть отражением национального характера?

Разве элита не может быть носителем национально-го характера? Мне кажется, что в первую очередь именно она носителем и является. Потому что элита формирует те вкусы, которые потом распространяются вниз. Она является активным звеном, те, кто внизу, активно воспринимают, но только то, что элита отобрала. Они могут только отобрать. А если они имеют широкий кругозор, решают сами путешествовать и свой вкус формировать, так они элитой и становятся.

В Европе, когда что-то строят или реконструируют, есть обязательства: на этой улице дома должны быть из красного кирпича, а на этой – из камня. Не поймешь, какой дом построен в XVI веке, какой в XVIII, а какой в XXI. У нас владельцы считают, что проще все снести и заново что-то

Лев Масиель Санчес:

«АРХИТЕКТУРА ОТ ВКУСА НАСЕЛЕНИЯ ВООБЩЕ НИКАК НЕ ЗАВИСИТ. ДАЖЕ ЕСЛИ В СТРАНЕ ЦАРИТ ДЕМОКРАТИЯ, А ПОСТРОЙКА ПОЛУЧИЛАСЬ НЕ ОЧЕНЬ УДАЧНОЙ, ВЫ ЕДВА ЛИ ПРОИГРАЕТЕ ВЫБОРЫ ПО ЭТОЙ ПРИЧИНЕ. »

создать. Конечно, потом никакого воссоздания не получится. В связи с этим вопрос: есть ли сегодня какие-то эстетические нормативы?

Формальные нормативы есть, но они постоянно нарушаются. Вопрос в том, как это должно быть. Дело в том, что европейская практика очень разная. В Англии, если владелец хочет снести дом, в редчайших случаях можно этому что-то противопоставить, потому что англо-саксонская традиция всегда отдает приоритет частному перед общим. Во Франции, я думаю, просто пальцем пошевелить нельзя, все находится под строжайшим запретом. В Испании, Бельгии много сносили и меняли. Законодательство очень разное, но я бы не сказал, что везде есть точные требования оставлять старые формы. Есть требования не выходить за общую колористическую гамму или за облик. Да и, в общем-то, мало кто это захочет сделать, кроме англичан.

Что отличает Россию от Западной Европы: в России у людей почти нет чувства прикреплённости, привязанности к конкретному месту (хотя сейчас оно немного развивается). Это плод политики XIX века, которая постоянно всячески уравнивала всю Россию. С конца XVIII века насаждалось единообразие, это была политика, сознательно разрушающая все особое в России. Она продолжилась и в советское время. Но сейчас активен тренд своего, местного. Многие люди поняли, что их дом не четыре стены, а пространство улицы и города. И они не жалеют денег и, что еще важнее, сил на преобразование окружающего их пространства. Хотелось бы надеяться, что им это удастся – как удавалось их предкам в эпоху нашего великого расцвета и разнообразия, в XVIII веке.

Давайте сделаем скачок в современность. Перечислите несколько современных объектов, которые, по-вашему, останутся как образцы архитектуры.

В истории русской архитектуры точно останется дом на Мосфильмовской мастерской Сергея Скуратова. Его многие ненавидят, но это одно из очень ярких явлений, и мне лично он нравится. Вот насколько мне в целом не нравится Москва-сити, настолько нравится этот дом. Я не думаю, что он портит какой-либо вид или что-то загорживает. Другой вопрос, что можно вообще не любить современную архитектуру.

Еще есть один храм, я его очень люблю и всегда показываю студентам. Он находится в городе Повенец,

Лев Масиель Санчес:

«ЧТО ОТЛИЧАЕТ РОССИЮ ОТ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ: В РОССИИ У ЛЮДЕЙ ПОЧТИ НЕТ ЧУВСТВА ПРИКРЕПЛЕННОСТИ, ПРИВЯЗАННОСТИ К КОНКРЕТНОМУ МЕСТУ (ХОТЯ СЕЙЧАС ОНО НЕМНОГО РАЗВИВАЕТСЯ). ЭТО ПЛОД ПОЛИТИКИ XIX ВЕКА, КОТОРАЯ ПОСТОЯННО ВСЯЧЕСКИ УРАВНИВАЛА ВСЮ РОССИЮ.»

на месте, где Беломорканал соединяется с Онежским озером. Построен в 2003 году по проекту Елены Шаповаловой. Это мемориал, потому что на строительстве Беломорканала погибло множество людей. В туристическом буклете написано, что он «соединяет лучшие традиции Кижей, Соловков и Валаама». Как ни странно, он действительно их соединяет. И он сделан очень современно.

За основу взят собор Соловецкого монастыря с четырьмя башнеобразными приделами по бокам – эта ассоциация очень логична для лагерного памятного храма. При этом материал храма – необработанный бетон, который стилизован под лагерную архитектуру, с деревянными элементами и колючей проволокой. Под лагерную вышку имитирована колокольня, а сам храм имеет очень интересное пятиглавие, специально придуманное, которое намекает и на Кижы, и на архитектуру других регионов Русского Севера. Все это очень здорово вписано в пейзаж. ■

Сельские купеческие особняки в XXI веке

Кира Крайнова,
помощник депутата
Государственной
думы РФ

Бурный век дает современному искусству технические возможности запечатлеть действительность, вырывая из вечности неповторимый момент, либо создать собственную реальность, придумывая что-то новое и необычное. Но, согласитесь, наряду с современными технологиями, стирающими границы между людьми, временем и пространством, унифицирующими будущее, остается запрос на поиск самобытности. А она живет на улицах российских малых городов, сел и деревень, в истории наших семей. Таким образом, сюжеты своего, русского попадают на мой любительский карандаш.

*Деревенские дореволюционные
особняки в XXI веке, 2014 г.*

*Вятское со стороны плотины,
2014 г.*

Кира Крайнова:

«ДО РЕВОЛЮЦИИ ВЯТСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ, УХОДИВШИЕ НА ПРОМЫСЛОВЫЕ РАБОТЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ВОЗВРАЩАЛИСЬ ВЕСЬМА ОБЕСПЕЧЕННЫМИ ЛЮДЬМИ, ЧАСТО С БОЛЕЕ ВЫСОКИМ СОЦИАЛЬНЫМ СТАТУСОМ: МЕЩАНАМИ, КУПЦАМИ - И СТРОИЛИ НА РОДИНЕ БОГАТЫЕ ПО УБРАНСТВУ ЦЕРКВИ И НАСТОЯЩИЕ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОСОБНЯКИ.»

Село Вятское Ярославской области для меня – это не просто место, с которым однажды стала связана повседневная жизнь, это, как оказалось, точка удивительного пересечения двух моих семейных родов: торгующих купцов-старообрядцев с Вятки по материнской линии и ярославских экономических крестьян-отходников – с отцовской. По случайному совпадению или провидению судьбы именно Вятское – поселение, несколько веков назад основанное отходниками с Вятки, а в XIX веке ставшее крупным торгово-промышленным селом и центром старообрядчества – было выбрано для жизни, где можно спрятаться от городской суеты. И в плане архитектуры местность оказалась интересной.

До революции вятские крестьяне Ярославской губернии, уходившие на промысловые работы в Санкт-Петербург, возвращались весьма обеспеченными людьми, часто с более высоким социальным статусом: мещанами, купцами – и строили на родине богатые по убранству церкви и настоящие петербургские особняки.

Так, и улица 1-я Набережная в Вятском построена по образцу городских особняков, образующих цепочку «непрерывных фасадов». На первом этаже располагались складские, торговые и служебные помещения, на втором – жилые. Состояние дома служило верным показателем благосостояния семьи. Отсюда – богатая лепнина на фасадах, искусные печи в домах и мно-

*Русские бани по-чёрному,
2014 г.*

гое другое – все, что делали крестьянские мастера в Санкт-Петербурге, затем воссоздавалось здесь, в селе.

Чуть поодаль улицы 1-я Набережная, с другой стороны речки Ухтанки стоят старинные русские бани по-чёрному. Их специально сооружали на берегу рек подальше от жилых построек, и выстроенные в ряд, вместе они напоминают состав деревянного поезда. Бани используются до сих пор.

Памятники архитектуры, когда-то добротные построенные на века, для будущих потомков, и с шиком украшенными фасадами – для себя, для демонстрации своего статуса, вот уже несколько десятилетий окутаны мглой лихолетья и безвременья. И сегодня за зияющими окнами и рухнувшей крышей, в облупленной на фасаде штукатурке и в белых пятнах лепных деталей на крепком дореволюционном красном кирпиче еще просматриваются индивидуальность каждого особняка и вкус построившего его хозяина. В Ярославской области сложилась поговорка: «Век живи на стороне, а дом содержи по старине». По такому принципу и жили.

Сегодня Вятское активно развивается, восстанавливаются церкви, по-прежнему, как в старые времена, работает торговая площадь, реконструируются старинные дома. Построенная в начале XX века старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы в деревне Елохино, примыкающей к селу, вновь открыта. Функционирует старообрядческая община

Кира Крайнова:

«В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ СЛОЖИЛАСЬ ПОГОВОРКА: «ВЕК ЖИВИ НА СТОРОНЕ, А ДОМ СОДЕРЖИ ПО СТАРИНЕ». ПО ТАКОМУ ПРИНЦИПУ И ЖИЛИ.»

*Старообрядческая церковь в д. Елохино,
Ярославская область, 2014 г.*

Белокриницкого согласия. Возможно, совсем скоро преобразятся и особняки на 1-й Набережной. Зарисовки разрушенных домов, с таким трудом и скрупулезностью отстроенные мастерами своего дела, пусть служат напоминанием, что сила разрушения асоциальна, антикультурна и оставляет глубокие раны на теле российской самобытности. ■

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Повышение политических рисков

преобразило публичное поведение крупных экономических игроков. Сегодня им импонирует мудрость: *Money loves silence. Big money loves grave silence.* Однако природа бизнеса не изменилась. Произошел сдвиг пропорций. Конкурентное поле укрупнилось так, что в нем противостоят целые отрасли, а ресурсное пространство, наоборот, свернулось, как свиток.

Укрупненное противостояние переместилось в думские стены. Тяжеловесные декорации диктуют уместные жанры. Тяжба вокруг 2-3% «туда-сюда» теперь пройдет в форме прений вокруг поправок к законодательству с участием отраслевого и научного сообщества, с апелляцией к стратегическому видению экономики.

Но как за предгорьями синеют в тучах отдаленные хребты, так тонут голоса ритейльщиков, возмущенных обвинением в «торговой наценке», когда слышны раскаты глобальной полемики между потенциалом подземных углеводородов и энергией Солнца, ветров и Луны, поднимающей приливы.

Но далеко внизу, в сумрачных долинах,
где обитали люди, казалось, что все это
только казалось.

«Война – Отец всего!» – потрясенный фи-
лософ в мыслях созерцал космический
пожар. «Ну совесть должна же быть?!»
– старик тряс аккуратной квитанцией на
лестничной клетке. «Жук ел траву, жука
клевала птица», – бормотал в лопухи кру-
глолицый поэт, поправляя очки.

Об усреднении **КРУПНОГО** предпринимателя

Проведем сравнение медийного образа крупного предпринимателя в 90-е годы или в начале нулевых с тем, как этот образ формируется сегодня. Мы видим несколько заметных отличий, которые определяются не тем, что радикально сменился состав людей (хотя, конечно, иных уж нет, а те далече), но изменилась среда и отражение людей в ней.

Первый фактор текущего образа – это шаблонность. Исчезла резкость граней, которая отличала характеры и подходы. Произошло слипание в одну слабо расчлененную массу, которая формируется на базе выработанных путем срезания острых углов корпоративных лекал. Возникает дефицит характера; те, кто еще обладает им, например, Греф, начинают пользоваться повышенным спросом, а от этого возникает риск перенасыщения. Но альтернатив не видно.

Второй – снижение уровня стратегичности. Поскольку предприниматели перестают публично нести собственную картину мира, теряется и острота прогнозирования, и выстраивание собственной стратегии. Интервью с бизнесменами начинают распадаться на частности, уходить в разбор отдельных, как правило, малоинтересных для большинства аудиторий кейсов. Что мы делаем в этом проекте, что в том... Да, становится понятно, что они делают на уровне тактики. Но утеряна миссия, если она была.

Значительно возросла общественная риторика. Да, появился или был задан спрос на социальность. Это вполне конъюнктурная позиция. Прошлый образ был более технократичен и прагматичен, но это его не портило, поскольку рисовало подлинную суть. Деньги – это циничная область. В 90-е годы бизнес особо не стеснялся казаться циничным. Посмотрите на интервью акционеров «Альфы», руководителей «Сибнефти» того времени. Потом цинизм был закрыт социальностью, но закрытость не означает ведь исчезновения. Скорее наоборот, усиливает его. Интересен пример Якунина, ко-

Алексей Фирсов,
управляющий
директор
по коммуникациям
«Роснано»

Алексей Фирсов:

«ПОСКОЛЬКУ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ ПЕРЕСТАЮТ ПУБЛИЧНО НЕСТИ СОБСТВЕННУЮ КАРТИНУ МИРА, ТЕРЯЕТСЯ И ОСТРОТА ПРОГНОЗИРОВАНИЯ, И ВЫСТРАИВАНИЕ СОБСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ.»

торый в противовес общему фону постоянно заявлял свою идеологическую миссию, она была совершенно неорганична бизнесу, казалась, да по сути и была, внешней надстройкой. В итоге встречной реакцией становилась ирония.

Почти исчезла полемика как инструмент позиционирования. Корпорации в целом структурировались, исчезло понятие «корпоративных войн». «Война» – это, конечно, сильный термин. Публичная полемика не обязательно была войной, но расхождение позиций становилось публичным и эскалировалось. Сейчас публичная дискуссия, типа той, что иногда возникает между «Роснефтью» и «Газпромом», становится событием. Ну, и в известных кругах относится скорее к моветону.

Таким образом, мы видим, что произошло заметное выхолащивание, стандартизация образа. Характерно, что когда года полтора назад Геннадий Тимченко дал известное интервью для ТАСС, в котором он, по собственному признанию, хотел оказаться тем, кто он есть на самом деле, мы (я в то время был PR-директором предпринимателя) приложили довольно много усилий, чтобы убрать наиболее личностные моменты. Мы понимали, что восприятие будет амбивалентным: откровенный жанр вышел из тренда. Получился не очень удачный компромисс, ряд близких к Тимченко фигур счел материал информационной провокацией. Поэтому еще одна особенность – это стирание личного, в смысле личной жизни, приватного. Хобби, вкусы, привязанности и странности – все спрятано. В значительной степени это связано с тем, что в России так и не произошла реабилитация богатства. Малейший раздражитель, да хоть сумочка газпромовской «уборщицы», вызывает социальную детонацию.

Алексей Фирсов:

«НЕИНТЕРЕСНО БЫТЬ ПУБЛИЧНЫМИ ФИГУРАМИ. КАКИЕ-ЛИБО ВЫГОДЫ ОТ ВНЕШНЕГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ОКАЗАЛИСЬ НЕОЧЕВИДНЫМИ.»

И еще на что надо обратить внимание – им просто стало неинтересно. Неинтересно быть публичными фигурами. Какие-либо выгоды от внешнего позиционирования оказались неочевидными.

Но все это – качели, конечно. Наверное, уже есть предпосылки для разворота ситуации. Индивидуальный образ в бизнесе – следствие борьбы, амбиций, изменений. И если сейчас сужение ресурсной базы вызовет внутреннюю конкуренцию между многими участниками рынка, а не только между «Газпромом» и «Роснефтью» за доступ к газовой трубе, все пойдет веселее. ■

У ритейла так и не появилось своего СЕЧИНА

*Выступление в ходе дискуссии вокруг поправок
Ирины Яровой к закону о торговле на Экспертном
клубе ВЦИОМ «Платформа»*

**Станислав
Наумов,**

директор
по взаимодействию
с органами
государственной
власти X5 Retail Group,
президент РАСО

Для меня было важно получить ответ на вопрос **До** том, какова электоральная поддержка позиции Ирины Яровой, которая предложила поправки в закон о торговле. Насколько рациональна эта ставка на «холодную гражданскую войну» с вторым по величине сектором российской экономики – ритейлом?

В результате исследования («Отношение жителей России к торговым сетям», проведено совместно ВЦИОМ и ЦСП «Платформа») мы увидели, что у позиции радикального популизма, связанной с категорическим неприятием современных форматов розничной торговли, существует достаточно много сторонников в самых разных категориях населения – около 34% участников опроса. Это правда, которая не должна скрываться. Но мы не забываем о том, что 66% не являются сторонниками позиции Яровой, и это в 2 раза больше. Их проблема в том, что они не консолидированы и политически не представлены.

Мы вместе с Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования делали экспертную оценку. Так вот, цена вопроса о поправках – 500 миллиардов рублей. Это 3,5 корзины дополнительных ассигнований на оборону.

Это деньги, которые остаются на счетах поставщиков. 500 миллиардов рублей недоинвестирует производитель продовольствия в полный жизненный цикл своего продукта, ожидая, что эту инвестицию дополнительно сделает либо торговая сеть как товаропроводящая структура, либо конечный потребитель.

Когда в ТЭК вводили природную ренту, то там была поднята тема нулевой налоговой ставки на добычу полезных ископаемых на новых месторождениях в дополнение к ставке экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты. Это достаточно серьезные вопросы. Но у ТЭК в подобных вопросах есть свой Сечин. Проблема ритейла в том, что у него за 25 с лишним лет с момента издания Борисом Ельциным Указа № 1 о свободе торговли, так и не возникло своего Сечина.

Современный российский ритейл появился в середине нулевых годов с приходом в отрасль крупных инвесторов – как стратегических, так и портфельных, как отечественных, так и иностранных.

Началась консолидация, условно говоря, множества «ларьков», разбросанных внутри жилого микрорайона. И появились не только «Ашан» и «Метро», появились сильные национальные чемпионы, такие как «Магнит» или X5 Retail Group. А у нас до сих пор, даже на уровне правительства, к торговле относятся как к малому и среднему бизнесу.

Развитие ритейла сегодня тесно связано с тем фактом, что рынок продовольствия перестал быть национальным. Как только позволила стоимость фрахта морских судов, а способы хранения сельскохозяйственного сырья стали достаточно долгосрочными, рынок превратился в глобальный. Сегодня целые страны, целые континенты специализируются на определенных категориях продуктов, которые мы с вами покупаем в «Пятерочке». Когда вы приходите в «Пятерочку» и видите мытый картофель, то это из Аргентины, уже даже не из Израиля. И нам действительно проще зафрахтовать один большой корабль, который приходит в Россию, и его груз через распределительный центр доставляется в 7,5 тысячи наших магазинов. Это значительно проще, чем договориться с тысячами фермеров, которые этот картофель где-то во Владимирской области пытаются вырастить и потом куда-нибудь сдать.

Не нужно строить иллюзий. Единственная мера, которая позволит российскому производителю быть конкурентоспособным с аргентинским, – это глобальное потепление климата. Когда вы выращиваете четыре урожая в год в одной стране и можете его доставлять по всему земному шару, вы будете всегда в четыре раза ниже по цене, какими бы ни были курсовые волатильности.

Станислав Наумов:

«НЕ НУЖНО СТРОИТЬ ИЛЛЮЗИЙ. ЕДИНСТВЕННАЯ МЕРА, КОТОРАЯ ПОЗВОЛИТ РОССИЙСКОМУ ПРОИЗВОДИТЕЛЮ БЫТЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫМ С АРГЕНТИНСКИМ, – ЭТО ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ КЛИМАТА.»

«Фермерство», которое обеспечит страну продуктами питания, – это самый опасный миф для национальной продовольственной безопасности. Мы сейчас с точки зрения госрегулирования ведем себя как абсолютные ретрограды. Мы отправляемся на два века назад. Наше правительство хочет, чтобы цены на продукты были низкие, и эти продукты делали фермеры, а продавали ларечники. В стране существует 4 тысячи индивидуальных предпринимателей, получающих субсидию от государства. Общая сумма этих субсидий – 3,5 миллиарда рублей. И вот теперь 500 миллиардов рублей перераспределяются (в пользу кого – это еще один вопрос, но считается, что в пользу «производителей») из-за того, что у государства не хватает денег для этих 4 тысяч фермеров.

Но вообще-то, в стране 50 тысяч несетевых магазинов в 80 субъектах федерации. Ничто не мешает каждому губернатору взять по несколько своих фермеров, которые в областном минсельхозе официально получают субсидию, и закрепить каждого за магазином не сетевой торговли.

Это, кстати, отдельная тема, зачем российский Минсельхоз раздает субсидии на развитие сельского хозяйства в 50 субъектах федерации. Это же продолжение хрущевского эксперимента с кукурузой. Надо раздавать все 180 миллиардов рублей, которые есть в госпрограмме, максимум в 5-10 климатически адекватных территориях, где можно что-то реально выращивать и экспортировать.

Наконец, самая большая глупость – это обвинение сетей в торговой наценке. Не существует торговой наценки в универсальной торговле. Торговая наценка существует только в специализированной торговле. Она имеет значение, только если вы покупаете не более чем у 3-4 поставщиков и продаете не более 30 наименований. Вот где торговая наценка хоть как-то может объяснить механизм ценообразования. Логика работы торговых сетей – это наличие рядом с вашей торговой точкой двух торговых точек ваших конкурентов.

У торговых сетей главное – это обслужить зашедшего покупателя в магазин. И главный KPI – это не сколько мы вам продадим, а захотите ли вы, когда у вас в холодильнике все кончится, снова к нам вернуться. У нашей компании (X5 Retail Group) 2 миллиар-

Станислав Наумов:

«ЭТО, КСТАТИ, ОТДЕЛЬНАЯ ТЕМА, ЗАЧЕМ РОССИЙСКИЙ МИНСЕЛЬХОЗ РАЗДАЕТ СУБСИДИИ НА РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В 50 СУБЪЕКТАХ ФЕДЕРАЦИИ. ЭТО ЖЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ХРУЩЕВСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА С КУКУРУЗОЙ.»

да чеков в год. Это означает, что мы должны 2 миллиарда раз в год предоставить услугу розничной торговли. Для этого мы должны создать соответствующее рабочее место, с которого мы эту услугу осуществляем. Это капитальные вложения. И мы должны поддерживать функционирование этого рабочего места. Вот на это мы тратим всю свою коммерческую маржу.

Мы присутствуем на глобальных биржах. То есть все наши расходы прозрачны, и мы их показываем нашим внешним акционерам – глобальным негосударственным пенсионным фондам, которые вкладываются в ритейл развивающихся стран. И мы там по счастливому стечению обстоятельств, вот те, которые не внешние, а национальные, мы там оказались как объект для инвестиций. На нас смотрят вдолгую и ждут от нас не того, что мы будем покупать за 20 рублей, а продавать за 60, а того, что мы к 2020 году будем занимать долю рынка около 20%. Тогда у нас будет сетевой масштаб. А сетевой масштаб обеспечивает снижение издержек каждым образом по отношению к любым конкурентам. Это нормальная, современная экономика.

Так что стратегия развития розничных сетей Российской Федерации примерно понятна. В нормальном, оптимальном сценарии в 2020 году должно появиться три торговых сети, две из них с долей рынка 20% по всей Российской Федерации. ■

ЗЕЛЕНЫЙ АХИЛЛЕС НЕ ДОГНАЛ УГЛЕВОДОРОДНУЮ ЧЕРЕПАХУ

**Константин
Симонов,**

руководитель фонда
Национальной
энергетической
безопасности

Общее место разговоров об энергетике – конец углеводородной эпохи. На самом деле тема будущей энергетики, на мой взгляд, довольно любопытна. Десять лет назад все повторяли, что нужно избавляться от углеводородов, потому что они скоро кончатся. И одновременно поднималась паника по поводу вечной зависимости от русских и арабов, которые владеют углеводородами. Противоречия внутри этого дискурса старались не замечать, но все соглашались, что с этим надо что-то делать. А что делать? Поднялась волна разговоров о том, что «зеленая энергетика» – это очевидный тренд, и скоро она покончит с энергетикой углеводородной. И вот мы ждем конца, а его все нет. Но, говорят нам, есть его признаки. В большинстве стран нефть уже не употребляется для производства электроэнергии. Эта роль отошла от мазута к газу. Да, в качестве энергоносителя еще сохраняется уголь, но развивается возобновляемая энергетика. То же самое в транспортной сфере: тут нам предвещают похороны двигателя внутреннего сгорания (бензинового, дизельного, даже гибридного) и массовый переход на электромобили.

Но что интересно, 2015 год был абсолютно успешен для углеводородов с точки зрения цифр потребления. Потребление нефти в прошлом году выросло на 1,9%. Этот показатель выше 10-летнего тренда, причем он зафиксирован на фоне замедляющейся экономики Китая. Газ – рост на 1,7%. Потребление угля действительно сокращается за счет возобновляемых источников энергии. Тем не менее, как эпоха углеводоро-

дов может кончиться, если вы их еще больше потребляете? С 2014 года цены на углеводороды упали в 3 раза. И моментально как раз в тех странах, которые относят к миру будущего, выросло потребление углеводородов, и спрос на них продолжает расти.

Что касается возобновляемой энергетики, то это вечный сюжет об Ахиллесе и черепахе. Спрос по солнцу, по ветру вырос на 15% за 2015 год. Но дело в том, что он растет с начала тысячелетия, а дает не более 3% в мировом энергобалансе. Имеются в виду все источники возобновляемой энергии за вычетом традиционной гидрогенерации. Причем на старте возобновляемая энергетика получила колоссальные дотации, и тем не менее экономическую конкуренцию углеводороды выдерживают. Особенно если освободить эту историю от массы подтасовок. Вы можете поставить себе ветряную станцию, но если у вас ветра нет и она простаивает? Так что считать нужно не стоимость создания киловатта, а годовую стоимость использования. Но, допустим, себестоимость ветряной и солнечной генерации падала-падала и сравнилась со стоимостью производства электроэнергии из газа. И вдруг – раз, цена на нефть упала в три раза. Картина мира полностью изменилась. Зеленый Ахиллес подбежал к черепахе, а черепаха неожиданно ускорила, и снова надо за ней бежать. И сколько за ней бежать, абсолютно не ясно.

Константин Симонов:

«ЕСЛИ ВЫ ПОСМОТРИТЕ СТАТИСТИКУ ПРОШЛОГО ГОДА, ТО С ИЗУМЛЕНИЕМ ОБНАРУЖИТЕ, ЧТО СРЕДИ ПРОДАННЫХ НОВЫХ МАШИН ДОЛЯ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ МЕНЬШЕ 1%.»

То же самое с электромобилем: как только изменилась цена, в Америке поменялась конъюнктура рынка. Если вы посмотрите статистику прошлого года, то с изумлением обнаружите, что среди проданных новых машин доля электромобилей меньше 1%. Все опять стали покупать большие бензиновые машины и с удовольствием на них ездить, потому что Соединенные Штаты тоже любят понты. А 8-10 лет назад то же самое говорили про биотопливо: «биотопливо убивает бензин», рассказывали про рапсовые поля. Это был абсолютный хит. Бренсон летал на кокосовом самолете. Правда, оказалось, что на кокосовом топливе из 4-х моторов работал только один. Да и там его было всего несколько процентов. И где все эти разговоры сейчас? Но и Бренсон, и Элон Маск очень удачно заработали на этой истории, получая многомиллиардные субсидии.

Теперь появились более интересные антиуглеводородные сюжеты. Если раньше говорили о том, что появится новый тип энергоносителя, который съест

старый, то последняя волна этой истории связана с электричеством как заменой бензина. Главная проблема электричества в том, что оно является нехранимым товаром. И эта проблема хранения в электромобилях проявилась довольно четко. Основная идея сейчас заключается в том, что революция произойдет именно в хранении электроэнергии. Элон Маск сейчас активно работает над идеей домашнего аккумулятора. Он позволит аккумулировать для жилища достаточно энергии на тот период, когда оно не сможет подпитываться от возобновляемых источников.

Такой подход закладывает будущую конструкцию социального мира. Вы получаете автономные жилища с возобновляемой энергетикой, которая вообще не зависит ни от кого. Раньше мешала проблема сетей – поскольку у нас непрогнозируемая генерация солнечной и ветряной энергии, возникали перегрузки сетей. Потом была идея «умных сетей». А сейчас другая идея – автономизации. Если вам не нужно электричество от сети, то вам и «умные сети» не нужны. Вы будете сами производить электроэнергию и хранить ее дома в аккумуляторе. Человек будет сидеть дома в виртуальном шлеме, и ему даже из дома не надо будет выходить. Так от электричества перешли к теме аккумуляторов, а от нее к идее «мой дом – моя крепость» в самом чистом мире». И это удачно накладывается на современное понимание муниципального управления и концепции «государства как сервиса».

Но пока мы видим другое – что сланцевые нефть и газ помогли реабилитировать углеводороды. Потому что сланцы позволили поставить на баланс колоссальные запасы. Запасы выросли по Северной Америке фантастически. Люди увидели, что есть новый источник нефти. А если ее еще очень и очень много, в глазах людей снижается ценность углеводородного сырья. А если снижается ценность углеводородного сырья, снижается и ценность стран, которые этими ресурсами обладают. На самом деле для нас это хорошая новость. Потому что страх зависимости, когда пугаются покупать у России нефть и газ, нормальной торговле только мешает. Но вот говорят, что придет танкер из США, вы не волнуйтесь, никакой зависимости не возникнет. Может, его физически и нет, этого танкера, но он есть психологически. Вспомните историю сжиженного газа из Америки. Отправился единственный танкер в Португа-

Константин Симонов:

«РАНЬШЕ МЕШАЛА ПРОБЛЕМА СЕТЕЙ - ПОСКОЛЬКУ У НАС НЕПРОГНОЗИРУЕМАЯ ГЕНЕРАЦИЯ СОЛНЕЧНОЙ И ВЕТРЯНОЙ ЭНЕРГИИ, ВОЗНИКАЛИ ПЕРЕГРУЗКИ СЕТЕЙ. ПОТОМ БЫЛА ИДЕЯ «УМНЫХ СЕТЕЙ». А СЕЙЧАС ДРУГАЯ ИДЕЯ - АВТОНОМИЗАЦИИ. ЕСЛИ ВАМ НЕ НУЖНО ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ОТ СЕТИ, ТО ВАМ И «УМНЫЕ СЕТИ» НЕ НУЖНЫ.»

лию. И все газеты написали, что идет спасение, США нас не бросят. Самое смешное, что танкер так и не пришел в Португалию. Потому что хозяин посчитал цену и перенаправил его на азиатские рынки. Никто не написал, что танкер пришел в Португалию, но зато все написали, что он туда отправился. И медийный эффект был просто колоссальный. ■

НЕИЗБЕЖ- НОСТЬ

«Дополнительная реальность»

сети – это факт? Вообще-то, удвоение реальности – древняя новость. Очнувшись, Чжуан-цзы не знал, куда поместить сознание: в убедительно порхавшую только что бабочку, слабо помнившую о некоем Чжуан-цзы, или в слабеющего памятью Чжуан-цзы, забывающего, благодаря чему так реален был сон о бабочке? Оба кандидата были не без слабостей. А распределить себя между ними – это легко сказать, но нельзя помыслить.

В сравнении с Чжуан-цзы, попробовавшим вкус последних корней, найдя, что бабочке слаще в безмысленной беспредельности сна, у нас положение brutalней. В нашем немногом знании битком печали. Сеть не сновидение. Заходя в сеть, мы не спим, а залипаем. Но не настолько, чтобы забыть, что в основании тикает двоичный код. Никакого раздвоения реальности не предполагая, а предполагая, наоборот, монопольное извлечение прибыли. Но что нас абсурдно роднит с Чжуан-цзы, что мы тоже не знаем, куда пристроить сознание.

Предельно рационально рассчитан доход от продукта, выброшенного на рынок. Для этого тысячи стартапов умерло, и про-

СЕТЬ

бился один. Тем временем отпускались кредиты, заключались сделки, строились производства, конкурировали команды, кого-то зарезали, кого-то захватили, кто-то спился, кто-то в пятый раз женился, кому-то в десятый раз пересадили сердце, кому-то впервые ввели героин. И что же, железный занавес отделяет все это от людей, восторженно возглашающих: «Мы будем общаться друг с другом на эмодзи и ловить покемонов, противостоя тем, кто хочет нас за это гнобить и сажать?»

Да нет, не железный, вполне прозрачный. Но что заставляет профессиональных и взрослых людей предпочесть разуму слабоумие? Точнее, сохранить в себе и то, и другое. Словно распилены полушария мозга. В одном компрессия бизнеса, а в другом – беспримесное детское удивление полученным результатам, похожим на чудесный воздушный шарик. Более того, чем суровее с периметра общества надвигаются страх, жадность и ревность, тем отчаяннее человек прикидывается невесомым воздушным шариком.

«НАСТАНЕТ ДЕНЬ, КОГДА БУКВЫ ЗАКОНЧАТСЯ»

Денис Терехов,
управляющий партнёр
агентства SNMG

Бесмысленно писать книги про интернет-коммуникации: вы только заканчиваете рукопись, а книга уже перестает быть актуальной, когда же она выходит из печати, то уже просто вредна. Теория технологической сингулярности утверждает, что каждое новое технологическое открытие совершается вдвое быстрее, чем предыдущее. А значит, в какой-то момент мы перестанем замечать, когда и как происходят принципиальные технологические открытия, и уже не сможем предсказывать будущее. Так вот, в случае с коммуникациями у нас осталось лет 10-15, когда что-то еще можно предсказать. И мы с моими коллегами решили посмотреть на пока еще предсказуемые коммуникации будущего в четырех аспектах: в аспекте устройств, каналов связи, программ и языка, на котором мы будем разговаривать.

Переизбыток контента в социальных сетях загонит людей в мессенджеры для персонального общения. От начала времен и до 2005 года было создано столько же контента, сколько всего за пять лет – с 2005 года по 2010. А сейчас каждые три месяца объем контента удваивается. Но что это за контент? Есть страшные цифры. 95% создаваемого контента – это перепост. Только 5% людей способны создавать оригинальные сообщения. Это данные по России. Я окончательно утратил веру в человечество, когда обнаружил сайт, который называется «Статусы для Контакта». То есть вы заходите, выбираете свой пол, свое жизненное положение, а он вам генерирует народную мудрость из серии «Меня трудно найти, но легко потерять». Но если подавляющему большинству нечего сказать городу и миру, зачем они будут это делать, тем более что этого все равно никто не читает? И мы пришли к парадоксальному выводу: в ближайшем будущем единственно возможные ком-

Денис Терехов:

«ПОСЛЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ГОЛОСОВОГО НАБОРА У НАС ПАЛЬЦЫ РАССЛАБИЛИСЬ. МЫ ЕЩЕ МОЖЕМ НАБИРАТЬ, НО НЕ ХОЧЕТСЯ - ЗАЧЕМ. НАВЕРНОЕ, КОМПЬЮТЕРЫ С БОЛЬШИМИ ЭКРАНАМИ ОСТАНУТСЯ У АРХИТЕКТОРОВ, ПРОГРАММИСТОВ, ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ ЗАНИМАЮТСЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ВОПРОСАМИ. ЖУРНАЛИСТЫ, СОЦИОЛОГИ, ДИЗАЙНЕРЫ БУДУТ НА ПЛАНШЕТАХ РАБОТАТЬ.»

муникации в интернете – это личностные коммуникации. Для чего был придуман фейсбук, помните, как это объяснялось? Чтобы мальчики знакомились с девочками. В ЖЖ для этого нужно было писать длинный текст. А в мессенджере достаточно написать «Привет, как дела?».

Компьютеры в нашем понимании отомрут, выведенные смартфоном. Мне кажется, что в горизонте 3-5-6 лет для большинства пользователей не то что компьютеров в нашем понимании, но даже ноутбуков не будет существовать. Моя 8-летняя дочь не может работать на ноутбуке – для нее существует только *on touch*. Я думаю, после введения голосового набора даже для журналистов и социологов потребность в большой машине отпадет. У меня есть знакомая симпатичная девушка лет 30, так что она, вроде бы, должна иметь опыт набора текста. Мы с ней сидели рядом, и она вдруг говорит: «Да конечно, точка». Я ее спрашиваю, что это было? Она говорит, на смску ответила. Это же удобно. После изобретения голосового набора у нас пальцы расслабились. Мы еще можем набирать, но не хочется – зачем. Наверное, компьютеры с большими экранами останутся у архитекторов, программистов, людей, которые занимаются промышленными вопросами. Журналисты, социологи, дизайнеры будут на планшетах работать. А обычные люди и с планшетами не будут, у них есть ноутбук для презентации и есть смартфон. Причем новый смартфон будет совсем другой. Возможно, это будет линза, возможно, это будет управление взглядом, возможно, какой-то имплант. Но это точно будет не трубка.

В конечном счете в смартфоне останется одна единственная иконка. Все остальное будет делать глобальный робот. Все подписаны на *apple music*? Платишь 200 рублей – и у тебя вся аудиотека в телефоне. Я думаю, каналы связи очень быстро позволят сделать глобальную библиотеку приложений. Мы больше не будем скачивать их на телефон. Покупаем подписку на доступ к библиотеке всех приложений – и заходим в них, когда нам это необходимо. Соответственно, девайс будущего – это только способ попасть в виртуальный мир. Телефон уже не является местом хранения, все хранится где-то в облаке. Мне вообще кажется, что смартфон будущего – это такой

экран, где ничего нет, только значок микрофончика. Ну, еще камера. На запрос «пожрать» он понимает, где мы находимся, анализирует историю наших покупок, покупок и чеков и рекомендует нам подходящую точку. Мы не будем принимать решения. За нас будет думать машина на основании наших предыдущих действий. Как говорится, будущее предопределено, наша задача просто его осознать. Надо просто осознать, что мы хотим пиццу.

Не будет ни пиарщиков, ни маркетологов. Надо сказать, что пиарщики проспали мессенджеры. Да, вы можете огромному количеству людей показать рекламу через фейсбук. Но вы не можете с миллиардами людей общаться через вотсап. И даже не можете мониторить, что они говорят. Коммуникационное меню будущего – это персональная коммуникация, и еще возможно, групповая коммуникация: на уровне рабочий коллектив – школьный класс – студенческая аудитория. Спрашивается, где разместить рекламу в таком мире? Ответ: в недалеком будущем мессенджеры станут глобальными консъерж-сервисами. Не будет никаких рекламистов. Не будет никаких пиарщиков и маркетологов. Потому что мессенджеры будут все это делать за них. Реклама будет приходиться на основе анализа наших предыдущих запросов и разговоров. То есть потребитель хочет потребить, мессенджер сообщает об этом бренду, а тот выдает рекламу. Поведенческих стратегий у человека – 10 основных, 100 распространенных и 1000 уникальных. И когда-нибудь все эти поведенческие стратегии будут описаны. В результате по моим диалогам с моими приятелями машина будет понимать, куда и зачем мы идем, бренды выдавать оферы, а потребители потреблять. Дивный новый мир возникнет в горизонте 5, может быть, 15 лет. Мессенджеры сейчас набирают аудиторию, чтобы потом, когда у них будет критическая масса аудитории, сказать: «А вот теперь, друзья, мы вам здесь будем продавать пиццу».

Языком коммуникации станут эмоции. Мы подходим к самому интересному. Мой знакомый высказал потрясающую мысль: на горизонте 20 лет письменная речь исчезнет как способ коммуникации. То есть буквы как символы, конечно, не исчезнут. Просто они нам не будут нужны как текст, который мы должны писать и читать. Мы будем его нагова-

Денис Терехов:

«Надо сказать, что пиарщики проспали мессенджеры. Да, вы можете огромному количеству людей показать рекламу через фейсбук. Но вы не можете с миллиардами людей общаться через вотсап. И даже не можете мониторить, что они говорят.»

ривать и слушать, или будем снимать видеоролик и смотреть видеофайлы. Если ты не знаешь языка собеседника – не беда. Общий для всех код понимания – эмоции, которые сильно недооценены. Эмодзи – это иероглифы нового поколения. Уже вышло несколько книг на одних эмодзи. Через первые 3 страницы пробираешься с трудом, но на 10-й уже быстро схватываешь смысл. Никому, боюсь, не нужны книги Джеймса Джойса, где одно предложение на полторы страницы. Все могут обойтись картиночками.

Чем вообще это закончится? Я не удивлюсь, если завтра к нам в дом подведут едопроводы. Развитие 3D печати сейчас выглядит фантастически. А еду составить из нескольких компонентов не сложно. Например, захотели поесть, написали в чате, за вас приняли все решения, и по едопроводу пришла пицца. Не можешь поверить, что действительно хочешь пиццу? Ты будешь видеть перед собой другую еду. Головной мозг легко к этому адаптируется. Если вы одевали очки виртуальной реальности, то вы понимаете, что организм подстраивается в момент. Люди устали от общения, они не могут ничего создавать, им нужно просто разговаривать в интимной обстановке. Доля закрытых аккаунтов растет с огромной скоростью. Люди закрываются от внешнего мира, они наигрались в свободу. И вот тут они остаются один на один с глобальным роботом, который решит за них, чего они хотят и как им жить. ■

«А как вы накажете ПОКЕМОНА?»

Артем Бочкарев: Только что мы вместе с одним из собравшихся здесь людей поймали покемона. Момент знакомства. Но с чем? Или – кем? «Покемон Гоу» – все слышаны. Очень много статей. Много информационных поводов. Но, знаете, в чем особенность, о которой можно сказать сразу? Огромное число этих откликов не имеет прямого отношения к тому, как игра работает. Кстати, сразу парадокс: разве «игра» – «работает»? Во всяком случае, она приглашает что-то сделать. Предлагаю краткую работу над ошибками по следам неадекватных публикаций.

Забудьте о том, что вам нужно куда-то нестись сломя голову. Да, ты ходишь по городу, геолокация отслеживает твоё перемещение, и вокруг тебя там и сям появляются покемоны. Да вот он! Но тебе не надо бежать через проезжую часть. Не нужно забираться в частные владения. Достаточно просто кликнуть на него. И уже тем самым ты начинаешь свою игру с ним. Ты начинаешь его «ловить». С задачей собрать больше покемонов, хороших и разных. Трансформировать их – есть и такие возможности. Играть на свою команду. А каждый игрок может выбрать, к какой из трех действующих команд присоединиться. Между командами есть конкуренция, но нет сражений. Ты не можешь своим покемоном убить чужого покемона. Обладание «точками силы» тоже не дает особых преимуществ. Вы просто играете в одно и то же, а не боретесь между собой. Встретившийся вам игрок может подсказать вам место, где они сидят, потому что вы ему, строго говоря, не конкурент. Вы можете зафиксировать одного и того же покемона. Он у вас будет общим. Покемоны – они для всех.

Но заблуждение думать, будто тебя хотят поставить на путь бесконечного совершенства в игре, которая уведет тебя от реальности. Это совсем не похоже на те игры, где упертый сингапурский школьник, который 24 часа в сутки проводит в компьютере, обо-

Ольга Симонова,
социолог Высшей
школы экономики

Артем Бочкарев,
главный продюссер
компании
«Алавар»,
выступают
на Экспертном клубе
ВЦИОМ
«Платформа»

шел вас так далеко, что вы его уже не догоните. В этой игре ничего такого нет. Она отнимает очень мало времени. Более того, она просто не позволяет много времени тратить на нее. На самом деле все, к чему вас приглашают – гулять, общаться с друзьями и параллельно всем вместе ловить покемонов. Все дело в том, что индикатор, обозначающий присутствие покемонов, очень мало поможет вам обнаружить конкретное место. Гулять, общаться, двигаться – вот в чем все дело. «Покемон!» – вы будете кричать раз в 10 минут. Но остальное время вы будете двигаться своей компанией. Вся эта геймефикация – просто повышение ценности совместного времяпрепровождения, мотивация к нему.

В игре важен момент культурного открытия. Покемон ведет вас туда, где иначе вы могли бы и не побывать. Где ловить покемонов? Вопрос часто понимается так: на что провоцирует эта игра? Она ориентирует на то, чтобы сделать ваши прогулки с друзьями более содержательными. Больше всего точек с покемонами – это музеи, достопримечательности, интересные точки в городе, хотя бы своими граффити. Зайдете в музей – у вас появится новый редкий покемон.

И еще одно – физическое развитие, пользование своим телом. Игра приветствует хождение ногами. Чтобы выслеживать редких покемонов, нужно пройти в игре километров десять. Не обязательно сразу, можно этапами, на протяжении недели, но только игра должна быть включена. И вот тут я не могу не сказать о главном минусе игры: за последнюю неделю 60% заряда моего телефона ушло на слежку за покемонами.

Но это было вступление, которое еще не касалось главного вопроса: что такое покемон? Чтобы ответить на этот вопрос, отнесемся к делу чисто инструментально. У меня в руках планшет. Это инструмент игры. Первый факт, который бесспорен. Но дальше начинается туман. Что делает этот мой инструмент? Планшет у меня в руках генерирует покемона, локализует его, пленяет его, меняет его? А через планшет у меня в руках как мое сознание способно повлиять на мир покемонов, придуманный вовсе не моим сознанием?

Сразу скажу, что в «добавленной реальности» нет ничего нового. Технически покемон генерируется на серверах компании «Айстикс», разработчика игры. К осязаемой реальности добавляется визуальный ком-

Артем Бочкарев:

«У МЕНЯ В РУКАХ ПЛАНШЕТ. ЭТО ИНСТРУМЕНТ ИГРЫ. ПЕРВЫЙ ФАКТ, КОТОРЫЙ БЕССПОРЕН. НО ДАЛЬШЕ НАЧИНАЕТСЯ ТУМАН.»

понент, уловимый только через ваш девайс. Но на самом деле при желании можно произвести гораздо более серьезную добавку к реальности. Есть такие игры и есть более серьезные девайсы.

Откуда же такой успех? Во-первых, это участие крупной технологической компании Google. Соответственно, бесконечные мощности серверов, отличные программисты, наработки с прошлым проектом «Монгрес». А большинство точек покемонов взяты из прошлой игры. Во-вторых, известный, очень хороший бренд «покемон». Вот и все. О «добавленной реальности» просто вспомнили по случаю. Реальные технологии в этой области давно уже ушли далеко вперед. Так что речь идет действительно об игре, а вовсе не о радикальном прорыве.

Ольга Симонова: В последнее время я все пристальней занимаюсь социологией эмоций, то есть всем, что связано с эмоциональными ландшафтами общества и социальными условиями проявления эмоциональности. Я изучаю влияние эмоций на социальные объединения. И наоборот, влияние социальных условий на эмоции людей. Так вот, со своей точки зрения я тоже не думаю, что произошла какая-то революция в отношениях человека и окружающего его пространства.

На самом деле социальная революция давно произошла. Она обошлась без социального взрыва, и все спокойно вошли в открытый ею мир. Сознание человека давно подготовлено к этим шагам, которые сейчас стали называть «дополненной реальностью». Удивительно другое – что именно в России, именно сейчас возникает столько страхов в связи с этой игрой.

Откуда у нас такая боязнь расширения социальной коммуникации за счет легкости общения в игровом духе? Игра действительно функциональна и проста. Вы будете познавать пространство города. Тем самым оно будет демократизироваться. По улицам своих городов вы будете все вместе ходить, разговаривать, ориентироваться. Явно же позитивные, коммуникативные вещи. А люди начинают бояться. Или, во всяком случае, демонстрировать тревогу.

Самый первый страх – нарастающей изоляции людей от людей. Игра шла только две недели. Но уже вырвался испуг: идет виртуализация человека, который запирается в своем телефоне, изолируясь от соотечественников. Но мы видим, что, наоборот,

Ольга Симонова:

«ПО УЛИЦАМ СВОИХ ГОРОДОВ ВЫ БУДЕТЕ ВСЕ ВМЕСТЕ ХОДИТЬ, РАЗГОВАРИВАТЬ, ОРИЕНТИРОВАТЬСЯ. ЯВНО ЖЕ ПОЗИТИВНЫЕ, КОММУНИКАТИВНЫЕ ВЕЩИ. А ЛЮДИ НАЧИНАЮТ БОЯТЬСЯ.»

все пошли компаниями ходить и осваивать пространство.

Следующий страх – боязнь неконтролируемого вторжения на защищенные территории. Предполагается, что есть места, куда вход категорически запрещен, но покемон призывает толпы пробить эти преграды и заполнить запретные места. С каждого телефона с помощью GPS отчет об увиденном будет передан на отдаленный сервер. И вот уже нет ни сферы приватности, ни сферы гостайны. Покемоны – враги «заповедности». Они приведут нас к тотальной прозрачности всех мест и всех людей, где больше не будет свободы. Я не знаю, насколько оправданы эти страхи. Но они очень сильны у населения.

Ольга Симонова:

«ТЕБЯ ЛЕГКОМЫСЛЕННО ВЫСВЕТЯТ, ЕСЛИ ТЕБЕ НА ПЛЕЧО БЕЗЗАБОТНО ВСКОЧИТ ПОКЕМОН. А ЕСЛИ ЧЕЛОВЕК ЭТОГО БОИТСЯ, ТО ЗНАЧИТ, ДО СИХ ПОР ОН РАССЧИТЫВАЛ НА ЗОНЫ ТЕМНОЙ НЕПРОЗРАЧНОСТИ.»

Страхи эти сводятся к тому, что ты рискуешь попасть в зону видимости. Тебя легкомысленно высветят, если тебе на плечо беззаботно вскочит покемон. А если человек этого боится, то значит, до сих пор он рассчитывал на зоны темной непрозрачности. Там он мог быть собой и делать то, что ему хочется и нравится. Например, заперевшись дома и отключив интернет. Теперь же мы боимся взлома темного пространства, из-за которого выйдет наружу что-то, что очень не хотелось бы обнаружить перед другими людьми. Мы заволновались. Хотя вообще-то глобальная слежка давно существует. Тот же Google maps.

Наконец, страх профанации, говорящий о сильном чувстве сакрального. Так это или не так, но чудесный был пост о том, как неожиданно возникла очередь в Мавзолей. Стоят люди с детьми в очереди к Мавзолею. Надо же, какой интерес к историческому наследию! Оказалось, внутри на каком-то бюсте сидит покемон. И вот сообщения об этом расходятся кругами. И у разных групп и категорий населения возникает страх, что вездесущие покемоны прикоснулись к самому священному. А поскольку они виртуальны, кто запретит им потрогать сакральное, а зрителям – с помощью покемона и абсурдировать эту сакральную реальность.

У власти тоже возникает страх потери контроля. В Москве сейчас 160 тысяч игроков. Они разделены на три партии: красные, желтые и синие. Эти три партии ходят по городу. Каждая стремится застолбить за собой своего рода «места силы». Каждой партии приписаны психологические отличия. Красные – более агрессив-

ны, синие – более миролюбивы, желтые – типа элита, над схваткой. И это не остается на игровом уровне. Создаются структуры, которые заполняют пространство, а власть не в состоянии контролировать «вождей» этих структур. Ведь игрушечные вожди просто не существуют в том пространстве, на которое власть может распространить эффективный контроль. Как вы накажете покемона?

Мы часто забываем, что виртуальная реальность выполняет важную компенсаторную функцию. Уйти куда-то, погрузиться, увлечься – это всегда значит уйти от чего-то, с чем не хочется иметь дела, что чуждо нашим целям и желаниям, но стремится навязать нам себя безраздельно. В современных условиях – уйти от политической напряженности. Или, например, от пожаров в Сибири. Но в результате пространство, куда люди уходят, приобретает именно ту ценность, которой лишается место, откуда совершается уход. Происходит перенос значимости. В данном случае покемоны как виртуальные персонажи наделяются значимостью, которая перенесена на них с реальных вещей.

В этом смысле меня зацепил пост о драке в Воронеже. Не поделили покемона? Но это лишь перенос в виртуальную сферу эмоций и претензий, которые накопились по поводу чего-то, что на самом деле хочется оспорить, отнять, взять и поделить. И как только появился повод, подростки сцепились. Допустим, ловили они покемона. Но конфликт зародился вокруг совсем других дел. Как ученый, я вижу, что покемон «смягчил» конфликт (кто будет всерьез биться за виртуальную зверушку), но и «загнал его вглубь» (реальный предмет конфликта оказался скрыт за виртуальным поводом к нему).

Из дискуссии

Денис Терехов: Самое принципиальное для меня в этой истории – это что использующие бренд «покемон» в маркетинге совершают административное правонарушение. Потому что, строго говоря, живя в России, вы не имеете права использовать американский эпл айди. Чтобы играть здесь в эту игру, нужно разлогинить ее в русский аккаунт, нужно указать свой ложный адрес в США и так далее. Если компания Apple захочет разобраться, она все эти 160 тысяч аккаунтов

Денис Терехов:

«ЭТО ГЛУБОКОЕ ПОГРУЖЕНИЕ, КОТОРОЕ МОЖНО СРАВНИТЬ С ЛЕГКИМ НАРКОТИЧЕСКИМ ЭФФЕКТОМ. КОГДА У ТЕБЯ ВОЗНИКАЕТ ЕЩЕ ОДИН ПЛАСТ РЕАЛЬНОСТИ.»

может деактивировать. Одно дело, если это сделают на свой страх и риск взрослые мальчики. А другое дело – если конкретный банк предлагает идти в их отделение и ловить там покемонов. При этом «дополненная реальность» используется маркетологами по полной. Это глубокое погружение, которое можно сравнить с легким наркотическим эффектом. Когда у тебя возникает еще один пласт реальности. Я полагаю, что с созданием google glass и камеры, встроенной в линзу, виртуальная реальность будет становиться гораздо серьезней. Здесь очень важная история – это покупка фейсбуком стартапа «Маскара». Там вы наводите камеру на вашего друга – и там в реальном времени возникает маска. Только это будет происходить уже не через смартфон, а через контактную линзу (я смотрю на тебя, а вместо тебя – Мерлин Монро). Пелевин описал это в саркастической форме. А это же технология, которая уже работает.

Артем Бочкарев: У этой игры бескрайний маркетинговый потенциал. Есть так называемые «точки», покестопы. Их можно усиливать специальными модулями. Грубо говоря, сейчас очень много магазинов – в Европе и США, которые покупают эти модули. И в результате их точки подсвечиваются на карте. Они призывают покемонов. Если вы выбираете из двух кофеин, куда пойти, то вы выбираете из двух покестопов. Вы смотрите, где покемонов больше и где они усилены. На примере Новосибирска: у нас есть место в центре, где одновременно три этих покестопов, просто так совпало. Усиление – и тусовка вокруг возросла. Пользуется этим заведение не дорого. Порядка 8 долларов в день. За то, чтобы в твоей кофейне целый день покемонов было больше, чем по округе. Сейчас в Китае с «Макдональдсом» заключены договоры. Там покестопы нереально классные. На них значок «Макдональдса», они дают как можно больше плюшек. А в дальнейшем можно делать суперпокестопы, можно делать их брендовыми. Это будет развиваться, нас это ждет. Здесь можно возразить: а что если приложение будет мотивировать нас не заходить в кофейню, а бить людей по лицу? Но стоит понимать, что есть законы Российской Федерации. Игра с покемонами не сильнее законодательства и не прочнее нравственных принципов. Угроза насилия исходит не от виртуальной игры, а от совершенно реальных злобы, жадности, глупости и зависти. ■

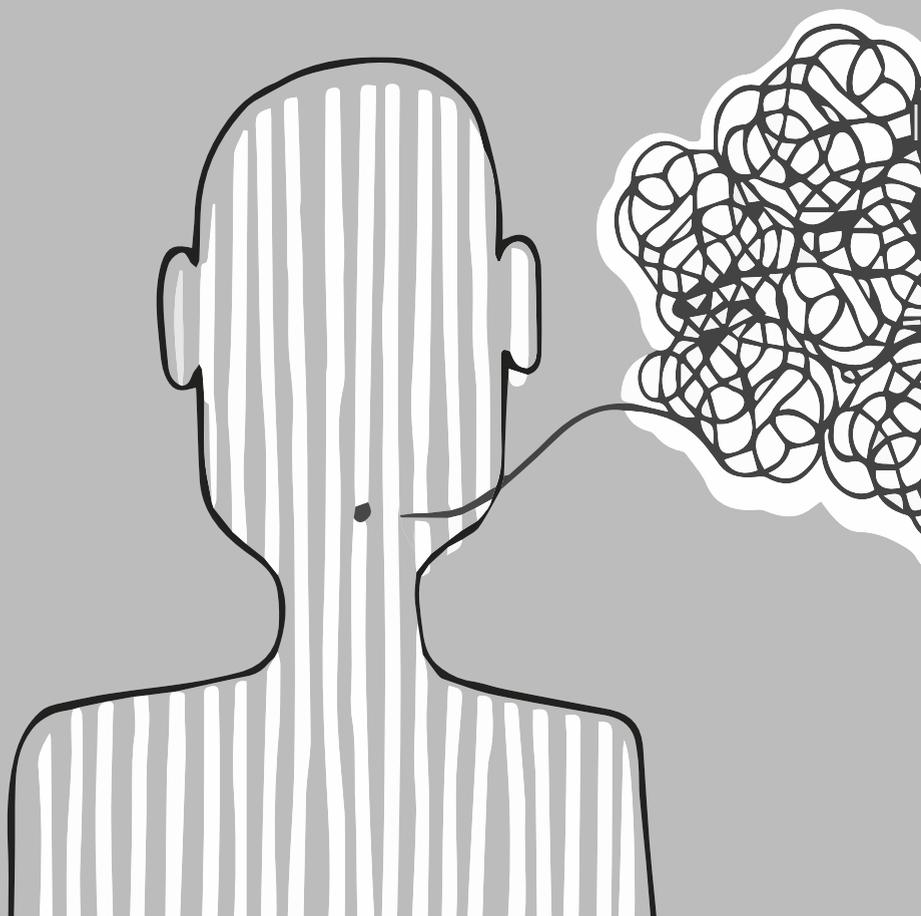
С разных сторон, причем самых неожиданных сторон,

стрелка предельной заинтересованности вдруг указала на регионы России. На регионы – не останавливаясь в региональных столицах, других крупных городах, даже в райцентрах – на поселения, которые, казалось, уже самим Богом забыты. И вдруг о них вспомнили московские специалисты, схватившись за голову: «Да ведь там, там – основание нашего благополучия».

Выяснилось, что политическая группа, мнившая себя политической силой, проваливается раз за разом именно потому, что поверила: жизнь сосредоточена в Москве, поскольку тут сосредоточены интеллектуальные рецепты т.н. «русской жизни» – иронические,

саркастические, сардонические, в бщем, «шумим, братец, шумим».. Оказалось – нет. Пренебрег дальними, отрезанными от «столичного дискурса» поселениями – провалился. Оказалось, надо на чем-то стоять. Мысль, на которую потребовалось четверть века.

С другой стороны, к той же мысли подходят специалисты по брендингованию территорий. Казалось бы, самые яркие территории – крупнейшие мегаполисы и самые влиятельные регионы – идеальный объект для выделения и позиционирования этих ярких черт в емком, сильном образе. Казалось, да не оказалось. Если перед вами клубок противоречий, какой член противоречия ни высунь в бренде, эффект контрпродуктивен, потому что есть другая сторона противоречия.

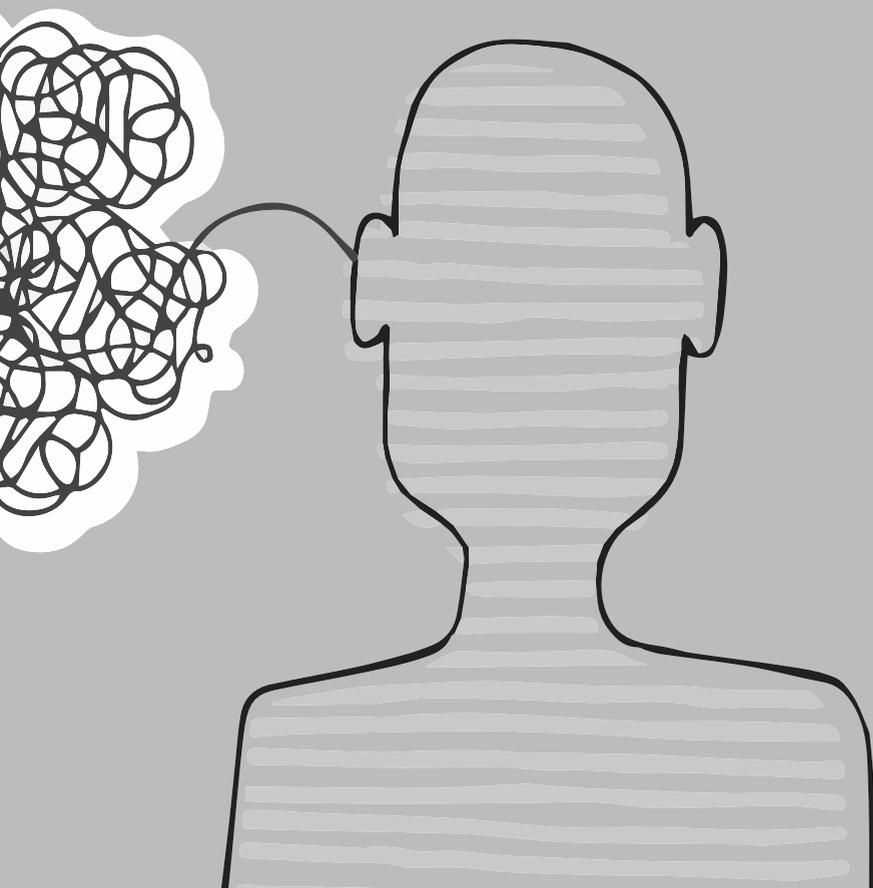

ПОЛИТИЧЕС- КИЙ ДИ- ЗАЙН

И вот, двигаясь «вниз» вдоль вектора накаления страстей, приходят к тому, что идеальный объект – малые города.

А ведь все это уже было исчерпывающе сформулировано.

*«В столицах шум, гремят витии,
Идет словесная война.
А там, во глубине России,
Там вековая тишина».*

«Займемся МАЛЫМИ городами»»

Андрей Стась,
директор
Института
регионального
брендинга
и маркетинга

Насколько осмысленно само выражение «региональный брендинг»?

В бизнесе задача бренда – идентифицировать продукт, отличив его от аналогов других производителей. Престижный бренд создает компании больше добавочной стоимости. А какова задача бренда в применении к развитию территории? Каждый практикующий специалист имеет об этом собственное представление. Я буду говорить о своем представлении, которое сформировалось в российских условиях.

В моем понимании, бренд – это инструмент, который позволяет активировать целевые аудитории, участие которых необходимо для развития региона.

В российских условиях бренд территории – это воздействие на определенные группы стейкхолдеров, от которых зависит, станут ли планы по развитию региона реальностью или он будет стоять на месте.

Но ведь на любой территории исторически складывается свой бренд. Сознательная работа в этом направлении входит в противоречие с тем, что уже существует?

Есть целый ряд территорий, где никогда не велось систематической работы по брендингу, но они являются очень сильными и узнаваемыми брендами. У Парижа нет ни логотипа, ни брендбука, ни брендменеджера, но сказать, что Париж – это не бренд, значит сильно погрешить против истины. Если мы имеем сильный исторический бренд, нам остается найти технологию его упаковки. И это, пожалуй, самый легкий кейс для профессионала.

Репутация, сложившаяся стихийно, может быть «неоднозначной». Она может оказаться составленной из плохо совместимых компонентов. Предполагается ли отбор и систематизация?

Разные компоненты готового бренда располагаются в иерархию. Во главе стоит макроидея. Ей подчинена система сообщений, которые служат реализации макроидеи, транслируя ее в рамках коммуникационных кампаний, урбанистических решений, инвестиционных проектов и так далее.

Наверное, найдутся и такие города, регионы, даже страны, слава которых, так скажем, «недобрая»?

К сожалению, в России, наверное, 90% территорий имеют негативный бренд-капитал. Их бренды сложились, но не так, как хотелось бы тем, кто занимается их развитием. Негативная доминанта закрепилась в силу нескольких причин. Первая причина в том, что Россия развивалась в направлении жесткой централизации. Соответственно, из провинции уходили ресурсы и человеческий капитал. Вторая проблема связана еще с политикой сталинской индустриализации. Гигантские производства поедали окружающую среду, кардинально меняли под себя демографический состав и нивелировали местную культурную специфику. Таковы условия, в которых обычно приходится начинать.

То есть в российских условиях задача, как правило, состоит в создании нового бренда, а не в упаковке уже готового?

Андрей Стась:

«ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ РАЗОБРАТЬСЯ, КАК ВОСПРИНИМАЮТ ТЕРРИТОРИЮ ВНУТРЕННИЕ ЦЕЛЕВЫЕ ГРУППЫ. ХОРОШО ЛИ ИМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ, РАБОТАТЬ, ОТДЫХАТЬ, ИМЕТЬ СЕМЬЮ? ИНАЧЕ ГОВОРЯ, НАСКОЛЬКО ЛЮДИ ЛОЯЛЬНЫ ТЕРРИТОРИИ И СЕБЯ С НЕЙ ОТОЖДЕСТВЛЯЮТ.»

Вот именно. У этой процедуры есть свои технологии и свои основные этапы. Первое – инвентаризация всего, что в принципе может войти в бренд-капитал территории. Это природные и исторические объекты, события, здания, персонажи, продукты, производство, технологии, обычаи. Дальше наступает этап отделения зерен от плевел. Мы выделяем факторы, показывающие территорию в лучшем свете, и отделяем от тех, что заряжены отрицательно. Теперь мы должны разобраться, как воспринимают территорию внутренние целевые группы. Хорошо ли им здесь жить, работать, отдыхать, иметь семью? Иначе говоря, насколько люди лояльны территории и себя с ней отождествляют.

Второй сегмент аудитории – конечно, внешний. Мы смотрим потенциальных туристов и покупателей товаров, произведенных в «городе N». Смотрим инвесторов по отраслям, которые заявлены в стратегиях социально-экономического развития. Смотрим федералов-чиновников и профильные ведомства, от благосклонности которых зависит получение ресурсов. Мониторим,

как освещается жизнь региона в СМИ, то есть какие типы событий попадают на первый план, а какие остаются в тени, в какой тональности подаются сообщения, какие персоналии представляют территорию в медиа, кто из живущих людей мог бы персонализировать бренд. Все это дает возможность выдвинуть гипотезы, какой может быть объединяющая идея. А затем эта идея – простая, понятная сущность – тестируется на всех референтных группах. Вот это идеальная модель.

А какова реальная модель?

В реальности оптимальная модель брендинга сразу сталкивается с проблемами. Население всегда настороженно относится к такого рода проектам. Население хочет хорошей канализации, качественных дорог и общественного транспорта, приходящего по расписанию. А не логотипа, тем более что, кроме логотипа, оно ничего на выходе не видит. Причем у каждого есть свое мнение, как он должен выглядеть. Вдруг выясняется, что все очень любят местный герб. Выступают местные дизайнеры, получая свои 15 минут славы. Масла в огонь подливают местные СМИ: «Нашему городу за 5 миллионов рублей разработали логотип». Сразу все форумы вскипают рассуждениями о том, сколько детских садилов на эти деньги можно построить.

Разве не ясно, что привлекательный образ региона – это вклад в его развитие?

Понимания того, зачем нужен региональный брендинг, у нас еще нет. Когда оно появляется, как я видел в Финляндии, ситуация переворачивается. Локальные сообщества сами приходят с просьбой вместе поработать над тем, чтобы улучшить восприятие города, сделать его более популярным, привлечь туристов и т.д. Еще одна проблема с реализацией брендинг-проектов в том, что бизнес не хочет лишиться раз заходить на одно поле с властью, он старается уйти в сторону. В результате очень важные сегменты внутренней аудитории оставляют свое мнение при себе. И часто приходится, проанализировав ситуацию, продвигать макроидею в формате волевого императива, убеждая лиц, принимающих решения. Наконец, самая большая сложность – это активация бренда со всеми сопутствующими программами. Выясняется, что их просто некому реализовывать.

Если все же дело доходит до реализации, она встречает сопротивление?

Андрей Стась:

«НАСЕЛЕНИЕ ХОЧЕТ ХОРОШЕЙ КАНАЛИЗАЦИИ, КАЧЕСТВЕННЫХ ДОРОГ И ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА, ПРИХОДЯЩЕГО ПО РАСПИСАНИЮ. А НЕ ЛОГОТИПА, ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО, КРОМЕ ЛОГОТИПА, ОНО НИЧЕГО НА ВЫХОДЕ НЕ ВИДИТ.»

Чтобы избежать острых разногласий с местными сообществами, нужно понимать, до какой границы с ними можно договариваться, а когда нужно жестко отстаивать свое, новое. Безусловно, в идеале нужно идти от внутреннего восприятия и культурной самоидентификации. Но в нашем случае самосознание местных сообществ часто является тормозом для развития. Оно ориентировано на прошлое. Если на него опираться, мы нарисуем картину региона, где из тьмы навсегда минувшего просвечивают лики двух-трех исторических деятелей. Такая картина будет нагнетать колоссальную тоску. Туда не придет инвестор, а молодежь будет оттуда уезжать. То же самое, между прочим, можно было видеть и на глобальном уровне.

Ведь тема маркетинга территорий родилась не для того, чтобы сделать привлекательными процветающие земли. Наоборот. К примеру, брали металлургические центры, которым предстояло менять экономическую специализацию. Было понятно, что там не будет никакой металлургии, а будет что-то совершенно другое. Но сами себя они инерционно считали металлургическим центром. Так что если их слушать, надо было снова водрузить на логотип молот с наковальней. Брендинг не заработал бы, если бы разработчики пошли на поводу у местного сообщества. Слушать его нужно умеренно и при этом еще выбирать, кого именно слушать.

С какими территориями легче работать – крупными или небольшими?

Большие территории исторически и географически вбирают в себя слишком много смыслов и ландшафтов. У населения разных зон не совпадают самоидентификации. Поэтому так проблематичен брендинг больших территорий. Самые оптимальные объекты – это малые города. В коммерческом брендинге есть четкая концепция: бренд должен предлагать что-то одно и только одной целевой аудитории. С большой территорией так не получается. Но в небольшом городе можно найти один продукт и одну целевую аудиторию, которой можно помочь удовлетворить интересы роста. Самое элементарное – это туристический ресурс. Можно пойти и до уровня деревни или села. Такие примеры есть. Сейчас мы думаем над тем, чтобы создать национальную премию в области территориального брендинга. Такой конкурс позволял бы вытаскивать на свет удачные российские кейсы. Но пока мы только в начале этого пути. ■

Андрей Стась:

«БОЛЬШИЕ ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИЧЕСКИ И ГЕОГРАФИЧЕСКИ ВБИРАЮТ В СЕБЯ СЛИШКОМ МНОГО СМЫСЛОВ И ЛАНДШАФТОВ. У НАСЕЛЕНИЯ РАЗНЫХ ЗОН НЕ СОВПАДАЮТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ. ПОЭТОМУ ТАК ПРОБЛЕМАТИЧЕН БРЕНДИНГ БОЛЬШИХ ТЕРРИТОРИЙ.»

«По сути, С НУЛЯ»

Основной причиной краха либеральных политических проектов стало не давление Кремля, а полный провал в организационной работе.

В российской глубинке, сельских районах с большой вероятностью можно встретить ячейку Единой России, КПРФ, ЛДПР и Справедливой России. Но организационные структуры либерального толка отсутствуют. Сторонники либеральных взглядов имеются. Но они не принадлежат ни к какому общественному институту. За 25 лет не удалось создать ни одного устойчивого партийного института. Строились песчаные замки под названиями: «Демократическая Россия», «Выбор России», «Демократический выбор России», «Демпартия», «СПС», «Правое дело», «РПР Парнас», РПР без «Парнаса», «Парнас» без РПР, но ни одна партия не просуществовала больше 5-7 лет. Единственное исключение – партия «Яблоко», которая дотянулась до столиц субъектов федерации, но не дальше.

В результате все «пассионарные» люди на местах распределены между ЕР, КПРФ, СР и ЛДПР. За эти годы в этих партийных структурах сменились поколения, они много раз проводили своих депутатов и стали реальными институтами. Если бы либералы в минувшие 25 лет систематически, день за днем участвовали в сельских, районных, городских выборах и мобилизовали к себе пассионариев, сейчас это была бы одна из пяти партийных сил в стране, возможно, третья по популярности.

Вторая причина непопулярности либерализма в стране в том, что либералы до сих пор ассоциируются с реалиями 90-х годов, когда они диктовали повестку дня. Вместо обещанной «евросказки» народ получил колоссальную катастрофу. В два раза сократился ВВП, многократно упали доходы, развалилась инфра-

Пожелавший остаться анонимным лидер либеральной оппозиции

Анонимус:

«ЕСЛИ БЫ ЛИБЕРАЛЫ В МИНУВШИЕ 25 ЛЕТ СИСТЕМАТИЧЕСКИ, ДЕНЬ ЗА ДНЕМ УЧАСТВОВАЛИ В СЕЛЬСКИХ, РАЙОННЫХ, ГОРОДСКИХ ВЫБОРАХ И МОБИЛИЗОВАЛИ К СЕБЕ ПАССИОНАРИЕВ, СЕЙЧАС ЭТО БЫЛА БЫ ОДНА ИЗ ПЯТИ ПАРТИЙНЫХ СИЛ В СТРАНЕ, ВОЗМОЖНО, ТРЕТЬЯ ПО ПОПУЛЯРНОСТИ.»

структура, остановились заводы. Типичное рассуждение таково: если либералы один раз разрушили Россию, они развалят ее еще раз. Мало того что реформы были очень болезненными, говорит гость экспертного клуба, они остались незавершенными. Ни в одной сфере реформы не доведены до конца.

На репутации либералов отразились четыре фундаментальные ошибки, допущенные в 90-х годах. Первая – в том, что либералы 90-х не были демократами. Критерий демократизма – в готовности признать победу на выборах оппонента-нелиберала. Однако в те годы системные либералы публично заявляли: «Нам нужен русский Пиночет». В результате произошло полное отчуждение от народа, подорвавшее доверие населения к либеральным проектам и организациям.

Анонимус:

«НИ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА, НИ МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ, НИ РЕАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ НЕ ВОЛНОВАЛИ СИСТЕМНЫХ ЛИБЕРАЛОВ. СЧИТАЛОСЬ, ЧТО НУЖЕН ОДИН СИЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ – ПРЕЗИДЕНТСКИЙ.»

Вторая ошибка – пренебрежение институтами. Ни судебная система, ни местное самоуправление, ни реальный федерализм не волновали системных либералов. Считалось, что нужен один сильный институт – президентский. Это он проведет реформы, создаст класс частных собственников, а дальше невидимая рука рынка всё расставит по своим местам. Отсутствие у нас независимых судов, независимой прокуратуры, независимого сильного местного самоуправления, реального федерализма – результат институционального нигилизма либералов 90-х годов.

Третья ошибка – социальное равнодушие, то есть пренебрежение социальной ценой реформы. Между тем существует хорошо известный опыт более мягкого перехода. Например, классический для таких прецедентов испанский опыт. Но его проигнорировали. И в итоге боль, которую пережил народ, оказалась гораздо более жестокой, чем могла бы быть. Ее след ранил национальную память, и сейчас эта боль ставится в вину либералам. И эти выводы вполне справедливы – с точки зрения людей, ставших жертвами этой политики.

И четвертая фундаментальная ошибка – коррупция. Либералы 90-х годов не показали личный пример чистоты. Чековые аукционы, залоговые аукционы, ваучеры – во всем этом были замешаны люди, идеологически обосновывавшие эти меры. Репутационный эффект – губителен!

Что касается будущего либерализма, то либералам нужна двойная коррекция: как имиджа, так и меседжа. Это означает другой образ в глазах избирателей

и другой посыл к обществу. Но сегодня либеральная оппозиция не способна прислушаться к избирателям. Они говорят о том, что считают важным сами, а не о том, что считают важным их избиратели. Например, недавно проводилось исследование в нескольких российских городах. Основной вопрос: за что выступают потенциальные сторонники либералов? Знаете, что выяснилось? Выяснилось, что наши потенциальные избиратели-либералы не хотят никаких потрясений. Представляете! Они же должны хотеть потрясений. Не хотят! Они не хотят даже смены системы. Они хотят ее совершенствования и улучшения. Они хотят, чтобы их депутат был компетентным и конструктивным, понимал нужды простых людей, бывал на местах и встречался с ними. А теперь посмотрите на нашу московскую тусовку и послушайте, что она говорит. Вообще про другое. Ну, естественно, наш потенциальный избиратель в Новосибирске и Нижнем Новгороде смотрит и крестится: «не приведи Господи». Но это же политически не профессионально! Политик должен говорить о том, что является общественно важным. А если он говорит только о том, что застряло у него в голове, то не нужно удивляться цифре 0,3% в среднем по стране.

Говорить с избирателями нужно о насущных для них вопросах. Главными проблемами страны сегодня являются: массовая бедность, отсутствие рабочих мест, деградация образования и здравоохранения, нарастающее технологическое отставание. На это можно и нужно дать либеральный ответ! Говорить следует о том, что нерационально в соотношении доходов и полномочий Центра и регионов, что напрасно подавлено развитие местного самоуправления, чрезмерно раздуты военно-полицейские расходы, четвертый год подряд снижается доля ВВП на образование и здравоохранение, разрушаются социальная инфраструктура и собственные технологии. Либеральный посыл должен состоять именно в этом – потому что это трогает, это реальные проблемы.

Два простых меседжа – страна будет развиваться и люди будут защищены – могут получить в нашей стране огромную поддержку. Заглавный тезис: либералы очень сильно расходятся с действующей моделью в вопросе о методах. Политика действующей власти – милитаризация. Мы против. Бюрократизация – мы против. Централизация всех ресурсов, 65% консолидированных доходов страны в Москве, только треть у ре-

Анонимус:

«ГЛАВНЫМИ ПРОБЛЕМАМИ СТРАНЫ СЕГОДНЯ ЯВЛЯЮТСЯ: МАССОВАЯ БЕДНОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ РАБОЧИХ МЕСТ, ДЕГРАДАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, НАРАСТАЮЩЕЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТАВАНИЕ. НА ЭТО МОЖНО И НУЖНО ДАТЬ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОТВЕТ!»

гионов и местного самоуправления – мы против. Унификация страны – мы против. Отмена выборов мэров – мы хотим их вернуть. Развитие человеческого капитала. Более сдержанная, более проевропейская, менее конфронтационная внешняя политика. Если бы либералы смогли скорректировать свой образ, сказав: «Мы демократы, мы за сильные институты, мы социально чувствительны, мы не стяжатели, мы служим общему благу и будем строить страну с рыночной экономикой, но социальную, будем делать внешнюю политику дружественной и основные ресурсы страны направим внутрь, на человеческий капитал, в регионы, в местное самоуправление и инновации», – то это сможет дать им немало голосов на выборах. ■

Контакты: ООО ЦСП «Платформа»
г. Москва, Берсеневский переулок, д. 2, стр. 1
Тел.: +7 (495) 123 3989
Эл. почта: info@pltf.ru
www.pltf.ru

Главный редактор:
Дмитрий Серегин

Директор журнала:
Екатерина Скутина

Дизайн, верстка:
Константин Кириянов-Греф

Автор идеи:
Алексей Фирсов

Издатель:
ООО «Агентство общественных коммуникаций «Грин Роуд»

Тираж:
500 экземпляров

ПЛАТФОРМА
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Мы формируем среду

Центр социального проектирования «Платформа» – не только объединение людей, занятых исследованием общества, прикладным консультированием и практикой социальных изменений.

«Платформа» – это открытый экспертный клуб с живыми выступлениями и дискуссиями. Наши постоянные гости и собеседники – внимательные наблюдатели и участники важнейших событий. Свобод-

ное общение профессионалов высокого уровня проясняет и углубляет экспертизу.

Старый тип агентства, воспроизводящего абстрактные рекомендации, сегодня отмирает за ненадобностью. Для принятия решений необходимо понимание реальных процессов и действующих в них людей, которое не приходит в стандартных офисных процедурах.

Основные направления:

- социологические исследования: количественные методики, фокус-группы, глубинные и экспертные интервью;
- интеграция экспертного сообщества, площадка для экспертных взаимодействий;
- разработка репутационных стратегий, проведение кампаний, мониторинг и анализ информационной среды, медиа-тренинги;
- корпоративный и региональный брендинг продуктов, территорий и отдельных практик.

www.pltf.ru

Москва, регионы, международные центры

При поддержке
Независимой социологической компании (НСК).

НЕЗАВИСИМАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМПАНИЯ